

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА # 1

Хелен
Гилтроу

РАССТОЯНИЕ
КАК ДАЛЕКО ОНИ ЗАЙДУТ, ЧТОБЫ УБЕЖАТЬ ОТ ПРОШЛОГО?

РАССТОЯНИЕ

Ультрасовременный, мрачный и насыщенный драматическими событиями роман о лондонской светской львице, ведущей двойную и очень опасную жизнь.

amazon.com

Хелен Гилтроу

Расстояние

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Гилтроу Х.

Расстояние / Х. Гилтроу — «Центрполиграф», 2014

Шарлотта Элтон – богатая утонченная светская львица. Карла – суперспециалист по информационной безопасности, в прошлом сотрудник секретного ведомства. В многомиллионном Лондоне ни одна душа не догадывается, что Шарлотта и Карла – одно лицо. Лишь однажды, поддавшись чувствам, она решилась раскрыть свою тайну, и вот спустя много лет Саймон Йоханссон, профессиональный киллер и виновник ее минутной слабости, возвращается. Бывший снайпер спецназа получает заказ на убийство одного из заключенных экспериментальной тюрьмы. Попасть на сверххраняемую территорию невероятно сложно, однако для блестящего профессионала нет ничего невозможного. Карла помогает наемнику создать безупречную легенду и внедриться в Программу. Ситуация осложняется, когда Карла узнает, что жертвой Саймона должна стать талантливая женщина-врач. Все данные о ней полностью удалены, вина и даже имя ее не известны. Интуиция подсказывает Карле, что заказ может обернуться ловушкой, а значит, безразличный ей человек в смертельной опасности...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

© Гилтроу Х., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	31
Часть вторая	35
Глава 1	35
Глава 2	44
Глава 3	50
Глава 4	54
Глава 5	56
Глава 6	61
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Хелен Гилтроу
Расстояние
Роман

Helen Giltrow

The Distance

Copyright © 2014 by White Stack Limited

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2015

Пролог

День 25: воскресенье

КАРЛА

Мои волосы в крови. Прошло двенадцать часов, а волосы все еще в крови.

– Вы в порядке?

Женщина-констебль, дежурящая у двери, смотрит на меня из висящего в ванной зеркала. Грубое нарушение правил: ей было приказано не разговаривать со мной. Должно быть, она думает, что я потеряю сознание.

Пальто у меня забрали еще вчера на месте происшествия: кровь просочилась сквозь подкладку. Лицо тоже было в крови – ее стер врач, который осматривал меня, прежде чем дать разрешение на допрос. Руки также перепачканы кровью, она затекла в каждую складку и под ногти; приходится раздирать кожу, чтобы вычистить ее засохшие следы.

Про волосы мне ничего не сказали.

Перебираю их руками. Коричневые клейкие сгустки прочно слиплись. Мне бы сейчас ножницы, я бы их вырезала.

Не думай об этом. Не надо.

Сейчас воскресенье, четыре утра. Так, по крайней мере, говорят часы. Последний раз я спала, часто просыпаясь, в ночь пятницы... Как мне тогда казалось, у нас был план. Но я перестала обманывать себя, что у меня все под контролем. Можно было предположить, как все будет.

Сейчас я одна в туалете в полицейском участке, рассматриваю в зеркало свои волосы, стараясь не обращать внимания на затягивающийся в груди узел, пытаюсь взять себя в руки и вспомнить все произошедшее. Сколько раз я прокручивала в голове эту ситуацию? Но все прошло не так, как я представляла.

Всю свою сознательную жизнь я посвятила погоне за информацией и ее последующему анализу: цифры и холодные факты. Я полагала, что это будет лишь очередное дело. И я смогу остаться невозмутимой и рассудительной, как настоящий профессионал.

Я не могла представить, как мне будет больно.

Женщина-констебль по-прежнему внимательно следит за каждым моим движением.

– Все нормально, – говорю я, – правда, – и стараюсь улыбнуться, косясь на ее лицо в зеркале, но не могу скрыть изможденности и бессилия.

Она отводит взгляд и произносит:

– Пора возвращаться.

В комнате для допросов чашка остывшего кофе на столе рядом со мной покрылась зеленовато-белой пенкой. В желудке дрогнуло, и я отставляю чашку подальше. Вошедшая следом за мной женщина быстро реагирует:

– Принести свежий?

– Нет.

Слишком грубо, она ведь добра ко мне.

– Спасибо, не стоит, – пытаюсь я улыбнуться.

Она берет чашку и выходит, закрыв за собой дверь. Из коридора доносятся голоса, затем все смолкает. Я одна.

Больше всего на свете мне хочется уронить голову на стол и зарыдать.

Но они могут в любую минуту вернуться и вновь приступить к допросу. *Итак, еще раз сначала, Шарлотта.* Что я видела? Что слышала? Они принимаются рассматривать каждую мелочь под разными углами, особенно выделяя нестыкующиеся детали. Им надо точно понять, как много я знаю или как мало.

Что ж, я вновь начну с самого начала, которое представляет историю разумной и содержательной, а мое участие вполне безобидным. Но существует еще и другое начало.

Десять лет назад. Незнакомый мужчина сидит в здании склада, лицо его освещено, а выражение как у человека, который должен все понимать, но не понимает.

Восьмое декабря, чуть больше года назад: по коридору идет женщина в темном пальто с непроницаемым выражением лица.

Или, например, четверг в январе этого года, менее четырех недель назад, когда меня нашел Саймон Йоханссон и я впервые услышала об этом невероятном деле.

Часть первая

Глава 1

День 1: среда – день 2: четверг

КАРЛА

Я всегда знала: прошлое меня настигнет – несмотря на все меры предосторожности, запутанные следы, выдуманные истории и все прочее, что я сделала для того, чтобы от него дистанцироваться.

Но все же я не предполагала, что это случится вот так.

Все происходит, когда в антракте в сутолоке бара Королевского оперного театра я вежливо слушаю рассуждения дородного банкира о правильной трактовке последнего действия оперы Вагнера «Гибель богов». Я поднимаю глаза, и в следующую секунду две мои жизни – жизни, которые я так старалась держать на расстоянии одну от другой, – сталкиваются, как тектонические плиты, и разрушают пространство.

Мне надо бежать, но уже слишком поздно.

Он праздно топчется около небольшой группы людей. Он не с ними, но вполне простибельна ошибочная мысль, что они вместе. Красивый костюм, галстук, в правой руке бокал шампанского. Даже его стрижка и поза говорят о том, что он принадлежит к этому обществу. Но я знаю, что это не так.

Два года. Два года и лишь одна причина, по которой он может быть здесь. Хочет забрать меня в другую мою жизнь, о которой я надеялась никогда больше не вспоминать. Он пришел за мной.

Удар – я преодолеваю шок и проглатываю комок в горле, затем поворачиваюсь к спутнику, улыбаюсь и произношу подходящую случаю фразу. Боковым зрением я не упускаю его из виду: мне необходимо за ним следить, будто он непредсказуемое, потенциально опасное дикое животное. Как хочется повернуться и не спускать с него глаз. Однако здесь и сейчас я Шарлотта Элтон – воспитанная, состоятельная, идеальная Шарлотта Элтон, – которая не может знать человека, которого только что видела.

Я должна действовать по ситуации, встать так, чтобы иметь возможность видеть толпу через плечо банкира. Когда мне это удастся, его уже нет.

Я внимательно изучаю зал.

Сегодня, безусловно, аншлаг, и бар – самый большой в Королевском оперном театре, похожий на гигантскую оранжерею в викторианском стиле под высокой изогнутой крышей, – забит до предела, северный и южный балконы полны людьми, толпящимися вокруг центральной круглой стойки. Среди них много мужчин в темных костюмах, но его там нет. Сверкающая зеркальная стена зрительно вдвое увеличивает пространство, делает металлические конструкции арочных окон огромными, а собравшихся людей превращает в толпу. Он, как и его отражение, растворился в этой массе. В верхней части зеркальной стены похожий на ящик балкон кажется подвешенным в воздухе над головами, а опирающиеся на его край люди выглядят экспонатами. Перебираю взглядом их лица. Его среди них нет.

И все же он где-то здесь, и он нашел меня.

Последний звонок. Банкир берет пустой бокал у меня из рук:

– Да, позвольте мне, – и поворачивается, отвлекаясь от оживленного разговора нашей небольшой компании.

В это время главный адвокат города касается моей руки:

– Шарлотта, я бы хотел сказать вам пару слов. Прошу вас.

Я иду рядом с адвокатом по направлению к залу, улыбаюсь и ощущаю, что кровь ударяет мне в голову, глаза заволакивает пелена.

Пытаясь разглядеть его лицо в толпе, я не замечаю, что он уже рядом. Он не смотрит на меня, но я чувствую прикосновение его руки. Затем он исчезает, смешавшись с окружающими меня людьми.

Мы с адвокатом поднимаемся к верхним ярусам. Маленький предмет в моей ладони теплый и липкий от пота. Занимая свое место, я незаметно прячу его в клатч.

Это крошечное украшение для новогодней елки, игрушка, переливающаяся пурпурно-красным цветом.

В зале гаснет свет. Начинается последнее действие. В произведении Вагнера присутствуют и торжество личности, и нарушение обещаний, и предательство, и убийство, и гибель в самом конце.

Игрушка – это условный знак, важное послание, хотя код я почти забыла. Саймон Йоханссон просит о встрече. Но не с воспитанной, сдержанной Шарлоттой Элтон. Йоханссон хочет увидеться с Карлой.

Ты уже два года не работала с клиентом. Ты вне игры. Отправь Крейги. Он справится. За это ты ему и платишь.

Пустая болтовня. Я ухожу.

Раннее утро следующего дня. Холод, как песок, режет глаза. На главной улице этой части Восточного Лондона много стеклянных фасадов административных зданий и современных новостроек. Моя квартира находится в одном из таких домов. Кажется, рукой подать до башни Кэнэри-Уорф. Из-за блеска огней она выглядит почти сказочной, но далекой и призрачной, будто из другого мира: словно перевернутая фура, возвышается над мусором в сточных канавах.

Склад используют для хранения ненужных вещей: старых ярмарочных аттракционов, декораций, поблекших уличных украшений и прочего. Разбросанные по двору детали напоминают останки доисторических животных: гигантского осьминога с разметавшимися в стороны щупальцами, изогнувшего позвоночник тираннозавра. Скучный свет редких ламп внутри позволяет с трудом пробираться по узким проходам, местами подсвеченным фарами искореженных автомобилей и огнями вывески с надписью: «Последний трюк».

Сейчас январь, и за проведенные здесь двадцать минут я успела замерзнуть. Видимо, поэтому я ничего не заметила.

Не движение, нет. Движение я бы не пропустила. Он уже точно здесь, во мраке, и наблюдает за мной.

– Прости, – говорит он, но я все еще хватаю ртом воздух.

Словно он все это время был здесь, среди ухмыляющихся пластмассовых Санта-Клаусов и похожих на гармошку китайских новогодних драконов, лишь изменение фокуса явило его в поле моего зрения. А может, все происходило постепенно, как растет трава или оседает пыль: тень уплотнилась и приняла человеческий облик.

Ему сорок один. Рост метр восемьдесят с лишним. Поджарый и мускулистый, с телом атлета, привычного к бегу на длинные дистанции. Красивого костюма больше нет, на нем деше-

вая безликая одежда, на запястье ничем не примечательные часы. В глаза бросаются шрамы на выпирающих костяшках пальцев.

Как всегда, я замираю в ступоре.

– Хотел удостовериться, что ты одна, – говорит он тихо и вежливо. Невыраженные гласные выдают его северное происхождение; но только это и больше ничего.

Ты не должен был искать меня!

Вместо этого я произношу:

– Ты не позвонил, как обычно. – Странно, голос звучит спокойно.

– Позвонил. Мне ответил незнакомый мужчина.

– Он свой человек. Работает на меня.

Кивок и отведенный в сторону взгляд. Подальше от меня.

Что ему нужно? Два года назад подобные встречи означали, что ему требуются документы или информация для работы. Для этого люди связывались с Карлой: негласное получение информации, будь то путем подкупа, шантажа или просто кражи; преднамеренное уничтожение ее в случае проявления интереса правоохранительных органов; поддельные удостоверения личности.

Все не может быть так просто; только не после двух лет молчания. Впрочем, возможно, он тоже вышел из игры – возможно, пришел как человек, который...

– Расскажи мне о Программе, – просит он.

Еще несколько мгновений тишины. Я напряженно жду, но за этим вопросом ничего больше нет.

* * *

Это тюрьма, хотя и не похожая на все остальные; о том, где вы находитесь, напоминали лишь высокие стены и проволока.

Когда Йоханссон пропал два года назад, проекта еще не было. Проект появился после тюремных бунтов и был связан со спадом и всплеском преступности, переполненностью тюрем и сокращением бюджета... Пять тысяч осужденных были перевезены из переполненных тюрем в городок на окраине, опустошенный в связи с реконструкцией и экономическим спадом, и временно помещены под охрану частной фирмы. Временно, но это могло длиться годами. И был задуман эксперимент, он выглядел очень по-американски, создали даже сайт, расхваливающий выдвинутую теорию.

– И что за эксперимент? – спрашивает Йоханссон.

– Цель его – научить преступников жизни в обществе.

– В обществе других преступников?

– Верно.

Где он был? Что ему надо узнать? Впрочем, он всегда был человеком основательным и дотошным.

– И взамен они получают...

– Более широкие возможности и свободу в ограниченной охраняемой среде.

Ключи от своих комнат. Доступ к телевизору и газетам. Неограниченное количество свиданий с родными. Возможность самоуправления и создания советов, а также установления правил. Поддержку в получении образования, профессиональной подготовки, помощь при открытии собственного дела. К их услугам объекты здравоохранения, спортивные сооружения, даже ресторан.

– И они в безопасности? – спрашивает он, внимательно ее выслушав.

– Постоянное патрулирование вооруженной охраной для поддержания порядка и обеспечения безопасности всех жителей.

- Ты наизусть заучила?
- Все это есть в Интернете.
- Звучит слишком красиво, чтобы быть правдой.
- Но это возможно.

Год назад там произошел пожар, дым стоял до горизонта. Это едва не попало в газеты. Прошло лишь восемь месяцев с начала Программы. Мы делали вид, что такого места не существует. Но на самом деле оно есть. У людей «бессрочные» приговоры. Они могут только войти на территорию, но никогда не выйдут оттуда. За ними закрывается дверь, и о них все забывают.

– И кто эти люди? – спрашивает Йоханссон.

– В основном те, кто выбрал карьеру преступника. Воры, рэкетеры, сутенеры, торговцы наркотиками и людьми, убийцы... но не педофилы и не террористы. Насколько мне известно, по крайней мере.

– А психи?

– Официально нет: им нельзя доверять прием лекарств. А неофициально?... Дюжины, может, сотни. Все учатся быть законопослушными гражданами.

– Применение силы?

– А ты как думаешь? Чарли Росс находился там с самого открытия. Прибыл с первой партией. Через три месяца он умер. Не своей смертью.

Йоханссон и глазом не моргнул. Разумеется, ему было об этом известно. С Чарли Россом ему приходилось иметь дело десять лет назад, и они встречались лишь однажды. Живым Росс их совершенно не интересовал, и смерть его ничего не изменила.

– Внутреннее наблюдение?

– Камеры.

– Связь?

– Стационарные устройства для заключенных. Разумеется, все прослушивается. Никаких мобильных телефонов.

– Сможешь раздобыть планы?

– Разумеется.

– А охрана? – продолжает Йоханссон.

Прошло два года, а я все еще могу читать его мысли по глазам. Мгновенно.

– Двойные стены по периметру, двенадцать метров над землей и девять ниже ее уровня. Электрический забор, колючая проволока, датчики тепла и движения. Круглосуточная охрана на вышках. Воздушные зоны отчуждения. Все подземные стоки отделены от основной канализации; все отходы, обработанные, протекают под периметром. Крыса не проскочит наружу.

– А внутрь?

– Туда никто не стремится попасть.

– Я стремлюсь. Ты сможешь помочь?

С большим трудом стараюсь сохранять спокойствие.

– Количество визитеров ограничено.

– Я не об этом.

– Не об этом? Имеешь в виду удостоверение работника? Хочешь попасть внутрь в качестве охранника или надзирателя?

– Не то, – говорит он и внимательно на меня смотрит.

– Заключенного?

Он отводит взгляд.

Итак, опять работа. Хлесткий удар разочарования и жало иронии: работа, всего лишь работа, для этого ему нужны новые документы. Охранники и надзиратели составляют единую команду, подчиненную жесткому графику. Персонал очень хорошо защищен. Свободно пере-

мещаться по территории могут только заключенные. Значит, он должен проникнуть туда в качестве заключенного, чтобы выполнить задуманное.

Внезапно меня охватывает панический страх.

– Это невозможно.

В ответ напряженный взгляд.

– Ты уверена?

Сейчас же положи конец всему этому. Просто закончи разговор, и все.

– Пройти на территорию с членами управляющей компании невозможно, взломать систему охраны мы тоже не можем. Она слишком хорошо защищена. Поверь мне, это уже пытались сделать.

– Пытались те, кто хотел выбраться оттуда, а не попасть внутрь.

Качаю головой.

Неловкая пауза затягивается, словно нам есть еще что обсудить. Наконец я нахожу в себе силы нарушить тишину.

– Это все?

Кивок.

– Что ж, если я еще тебе понадобится, можешь воспользоваться этим номером.

Протягиваю ему визитку без имени, только телефон. Он пробегает глазами цифры раз, второй и возвращает. Вот так. Два года, и нам нечего сказать друг другу.

Убираю карточку в карман пальто.

– Пожалуй, я пойду.

Он даже не прощается.

Машину – не мерс, которым я пользовалась последние два года, а седан с номерами подставной компании – я оставила на соседней улице. Робби стоит рядом, прислушиваясь к каждому звуку, дыхание клубами вырывается из его рта в морозный воздух, седая голова чуть наклонена.

Прошел год с тех пор, как я последний раз просила его сделать нечто подобное, но он работает в системе с самого начала и знает правила. Он без звука и пристального взгляда открывает передо мной дверь. Опускаюсь на пассажирское сиденье, и горячая, сжимающая сердце боль наваливается на меня с полной силой. *Тебе надо было остаться, надо было что-то сказать, спросить...*

Я заставляю себя не думать. Не думать и не представлять, как Йоханссон стоит где-то там, в сумраке, и прислушивается к звукам работающего двигателя. Скорее всего, он уже ушел.

Мы принимаем обычные меры предосторожности, и я возвращаюсь в Доклендс уже в пятом часу утра. Здание, в котором я живу, выходит окнами на док Вест-Индия, севернее Кэнэри-Уорф. Когда-то здесь выгружали сахар, но сейчас от индустриального прошлого остались лишь пара монументальных кранов на причале и сам док – дрожащая водная гладь, периодически очищаемая от окурков и одноразовых стаканчиков из-под кофе, – низкие кирпичные постройки превратились в забегаловки и бары для туристов и служащих.

Все остальное новодел, а мой дом один из самых новых. Все сделано специально для нервных богатых жильцов: слишком просторные квартиры, серьезная охрана, перекрестная система видеонаблюдения. Я совершенно изолирована здесь от внешнего мира, у меня не бывает неожиданных гостей. Даже в такой час один охранник в униформе стоит на улице, другой в холле, за стойкой ночной портье наблюдает за мониторами. Мы киваем друг другу, когда я прохожу к лифту.

С сорок первого этажа вид открывается захватывающий – офисные здания Доклендса, низкие строения по берегам, переходящие в Лаймхаус-Рич, изгибы реки и очертания лондонского Сити. Сегодня я их не замечаю.

Неужели Филдинг разыскал его в далеком уголке мира? *Кое-что случилось, сынок. Прямо на твоей улице.* Или он сам решил вернуться и выяснить, зачем его искали? Его следующая работа связана с тюрьмой. Это кажется невероятным.

Меня вновь окутывает страх: нет сомнений, он попытается выполнить заказ.

Открываю дверь маленькой комнаты, которую использую как кабинет. Включаю компьютер, подключаю жесткий диск. Ввожу пароль, пробегаю глазами файлы и открываю один из них.

Щелчок, и на экране появляются пять цветных колец, одно внутри другого – внешняя охрана, внутренняя охрана, первая стена, узкая нейтральная полоса, затем вторая стена, – окружающих темную мрачную сердцевину. Навожу курсор и нажимаю на пустоту, сразу появляется сетка. Если щелкнуть по одному из квадратов, он увеличивается, на экране появляются детали: дороги, здания, клиники, центр обучения, футбольное поле. Еще щелчок, и перед глазами ажурная сеть канализационных труб и кабелей, тянущихся под улицами, словно вены под кожей. Доступа дальше у меня нет. Ходят слухи о подземных тоннелях и постройках, но во избежание эксцессов их не было ни на одном плане, который я когда-либо видела.

Еще щелчок, и на плане появляются иконки: хаотично рассыпанные синие ромбы, зеленые кружочки и желтые квадратики. Некоторые означают командные центры и наблюдательные пункты; другие указывают на места установки камер и подслушивающих устройств. Остальные я просто не смогла расшифровать.

Мы начали сбор данных о Программе и создание этой карты, когда проект был в стадии планирования. Сейчас он работает уже двадцать месяцев, но люди продолжают приходить. Только уже не ко мне, а к Крейги. Это не совсем та карта, которая им нужна. Скорее, это ответ на вопрос: «Можно ли оттуда выбраться?»

Ответ был ясен, когда Программа только создавалась: нет.

Но это не то, что нужно Саймону Йоханссону. Ему нужно что-то другое.

Я до сих пор не набрала номер Крейги. Но я звоню Филдингу.

Я пользуюсь секретной линией, которую никто не сможет прослушать. В ответ слышится невнятное ворчанье, но я знаю, что это он.

– Здравствуй, Филдинг.

Царапающая пауза длится долгих десять секунд. И вот...

– *Карла.* – Всего одно слово, но ему удалось вместить в него все превосходство и презрение.

Тони Филдинг – работодатель Саймона Йоханссона.

– Давно тебя не слышал, – говорит он.

Два года, если быть точной. Я никогда ему не нравилась – он предпочитает женщин помоложе и благодарных, – а мой поступок два года назад еще более усилил его отвращение ко мне. Я холодная с...ка, разве не так? В определенном смысле это дарует свободу.

– Вот мы опять разговариваем, – произносит он, в его голосе мне слышится скрежет заржавевшей железной двери. Значит, еще курит. – Я так понимаю, с тобой кое-кто встречался, – самодовольно произносит он.

– И ты позволишь ему это сделать?

– А почему нет? – фыркает он. – Думаешь, он потерял сноровку? Такие качества остаются с человеком навсегда.

– Заказ связан с Программой.

– Послушай, он хочет работать. Я уже объяснял ему, что это невозможно. Но он ведь всегда за такое брался, верно? Дьявольски невозможное. Можешь делать ставки, Карла, он справится. В этом вопрос, не так ли?

Заканчивай разговор. Немедленно.

В голове всплывают те же самые слова.

– Ты ведь знаком с системой. Мы не сможем ее взломать, – невозмутимо продолжаю я.

– Ты уверена, Карла? Что ж, это твой выбор. С этим могут справиться и другие. И они помогут ему попасть на территорию. Разумеется, они будут не так *внимательны*, как ты, но беднякам не приходится выбирать.

Слова слетают с языка прежде, чем я успеваю подумать.

– Ты не сможешь его туда отправить.

– Увидишь.

– Программой руководит Джон Кийан.

– Неужели, Карла? Старина Джон Кийан. Обязательно передам это Йоханссону.

Возвращаюсь в гостиную, подхожу к окну, смотрю вниз: темная вода подмигивает мне из дока.

Уйди. Просто уйди. Ты не сможешь жить прежней жизнью. Ты больше не Карла, ты ничего не должна Саймону Йоханссону.

Я не могу уйти.

Тебе нравится думать, что ты сама принимаешь решения. Тебе нравится думать, что все сознательно и продуманно. Но порой решения принимаются за тебя, а ты узнаешь об этом слишком поздно. Иногда границы невидимы, и ты нарушаешь их в темноте.

До того, как Йоханссон рассказал мне о деле. До того, как я вошла в здание склада...

То мгновение в опере, когда я подняла глаза и увидела его: тогда определилось мое будущее.

Где-то в системе безопасности Программы есть лазейка. И я найду ее, чтобы помочь ему в нее проскользнуть. Потому что за меня это может сделать кто-то другой, а им будет безразлично, вернется он или нет.

Джон Кийан – профессиональный преступник, гангстер, убийца – руководит Программой.

Джон Кийан хочет, чтобы он умер.

Глава 2

День 2: четверг

ЙОХАНССОН

3:13 утра, четверг. Север Лондона, та его часть, которую называют перспективной, бары и агентства недвижимости постепенно занимают места старых магазинов, продающих товары на вес и дешевую одежду. Он проехал часть пути по этому району на такси, потом на ночном автобусе, а сейчас идет пешком, так ему удобнее. Привычки снайпера сводят все в мире к расстоянию.

Три метра левее: парочка подростков бежит на автобусную остановку, клубы пара заполнили все воздушное пространство вокруг. Восемь метров вправо: пьяный прохожий зигзагами перемещается по тротуару, останавливается, опираясь рукой на стену. Йоханссон идет дальше. Через шесть шагов мужчина исчезает из поля зрения. Слышны лишь рвотные звуки, и камера видеонаблюдения над головой бесстрастно поворачивается в его сторону, чтобы зафиксировать действие.

За ним никто не следит.

Он вновь ее увидел. Говорил с ней. Сейчас он несет эти воспоминания через желтоватую тьму, словно это осязаемый предмет в руках, имеющий вес и форму. Иногда ноша кажется хрупкой, драгоценной – отблеск волос, поворот головы, – но никогда не остается в руках надолго. Йоханссон идет вдоль улицы, проходит ряд домов, и вот Карла уже кажется колючей и агрессивной, как и ее взгляд, изменившийся через секунду после того, как она его увидела.

Он все неправильно понял? Он был уверен, что все будет не так, но ошибся.

Йоханссон срезает часть пути, поворачивает направо и идет до первой викторианской террасы. В пяти минутах отсюда кипит стройка, но волна создания элитного жилья не достигла еще этого места: еще слишком часто звонят в домофон, на улице еще много мусорных баков, искореженных велосипедов и старых диванов в саду. Дверь в квартиру на цокольном этаже открывается, выпуская знакомый запах сырости.

Шторы в гостиной не задернуты, горит фонарь за окном. За стеклянными дверями тени, отбрасываемые стульями в саду, и завядший розовый куст топорщится всеми своими шипами. Йоханссон закрывает шторы и распахивает двери в спальню и ванную, включает свет, проверяет окна, стараясь различить любые признаки нарушения целостности. Ничего.

Он опускается в единственное удобное кресло, стоящее перед телевизором, и вновь вспоминает Карлу в баре Королевского оперного театра: она в зеленом платье и с чуть склоненной головой слушает полного мужчину и делает вид, что ей не скучно. В тот самый момент она подняла глаза и увидела его.

И вот опять тугой узел сжал его сердце, сжал грубо и неожиданно.

Ничего не изменилось.

Десять лет назад. День их знакомства, если так можно выразиться: он сидит, ослепший от бьющего в лицо света, а ее голос из темноты произносит:

– Я могу ограбить тебя от опасности.

И это все, что требовалось? Только эти слова? Произнесенные тогда, когда он мало спал, брился в общественных туалетах, еду находил в баках на задворках магазинов, старался избе-

гать дневного света, почти не выходил на улицу, боясь, что его выследят люди Джона Кийана и сделают то, что сделали с остальными. Жизнь тогда была лишь рефлексом и результатом долгих тренировок.

Я могу оградить тебя от опасности.

И она это сделала: стерла его прошлое существование с карты жизни – стерла бесследно, – передала ему новое удостоверение личности, билет на самолет, приказав бежать и не возвращаться.

Но он вернулся, хотя лишь тогда, когда умерли или отправилась за решетку все знавшие о том, что он сделал в ночь, когда умер Терри Канлифф. Вернулся лишь потому, что это был единственный способ оставить ту ночь навсегда в прошлом: работать на Филдинга, выполнять самую сложную работу, делать ее чисто, быстро, аккуратно, не оставляя острых краев, потерянных концов и беспорядка. Никаких колебаний – каждой своей работой он докажет, что может ее делать, что войска особого назначения не правы, что случай с Канлиффом был единственным, той ночью его застали врасплох. Что у него нет ничего общего с тем развалившимся на части человеком.

Каждый раз он обращался к ней за информацией.

Однажды она вышла в свет из той полосы тьмы.

Тогда Карла подарила ему ту почти неуловимую улыбку, которая так редко появляется на ее лице, и все показалось ему возможным; потом она поспешила отвернуться.

Эта система тебе не поддалась. Ты ничего не смог изменить. Армия и Канлифф доказали, что правы. Она смотрела на тебя десять лет назад и понимала. Она никогда не забудет.

Настал день, когда ему не оставалось ничего иного, как уйти. Йоханссон не представлял, что до возвращения пройдет столько времени. Но он не мог вернуться, пока она была в каждой частичке его крови как наркотик, пока он думал о ней, как прежде; она постоянно ему снилась. Так прошло шесть месяцев, потом двенадцать, восемнадцать. Кровь стала обновляться, ему стали сниться обычные вещи: человек за столом, крыша, дом на ферме. Йоханс сон понял, что может вернуться.

Первое, что он сделал, уверившись, что находится в безопасности, – постарался найти ее.

По старому номеру ответил мужчина-шотландец, голос которого был ему незнаком. Не сказав ни слова, он повесил трубку. Не нашел он ее и по старому адресу, но оставались еще пароли для встреч, время и места. Ему надо было только найти ее.

И вот Карла перед ним. Все прошло отлично. Он ведь профессионал, верно?

Верно, ты продолжаешь себя убеждать. Ты задавал ей все те вопросы, ответы на которые уже знал. Думаешь, она не поняла? Спрашивал лишь для того, чтобы ее удержать. Проглатывал тот главный вопрос, ответа на который так боялся, потому что потом тебе нечего было бы сказать.

На что он рассчитывал? На то, что вернется и все будет по-другому? Что он ничего не почувствует?

Или на то, что она будет рада его видеть?

Карла не спросила, где он был.

И что у него теперь осталось? Работа? Необходимость проникнуть в Программу?

Даже Карла не сможет ему в этом помочь.

Ночь начала плавно переходить в утро, когда он заснул, сегодня ему снился один из старых снов. Впрочем, это не сон, а воспоминание.

Он стоит по стойке «смирно» у стола в кабинете. Перед ним сидит человек в форме, сложив руки на папке с документами.

– Тут не отражены ваши способности, – говорит человек, и в этот момент Йоханссон просыпается с ощущением тяжести в животе и неприятным привкусом неудачи во рту.

Звонит мобильный.

– Слушаю, – отвечает он.

– Думаю, я смогу найти возможность, – говорит Карла.

И что-то внутри его вздрагивает от звука ее голоса.

– Но есть еще один важный момент, – добавляет она, и он понимает, что имеется в виду. –

Программой руководит Джон Кийан.

– Он не знает, кто я.

В трубке становится тихо, потом Карла произносит:

– Свяжусь с тобой позже.

– Ну? – спрашивает Филдинг. Он зол: напряженные плечи скрывает дорогое кашемировое пальто, сжатые кулаки спрятаны под манжетами, на семидесятилетнем лице видны все морщины и дефекты.

Его вид говорит о том, что он пришел сюда за ответом, только ответов никаких нет.

– Ну? – повторяет он и резко бросает: – Черт тебя подери!

Йоханссон глубже опускает руки в карманы куртки. Стоит холодный, пасмурный день. Они встретились на берегу Темзы в Вулидже. Перед ними скользят переливистые, серые и быстрые воды. За рекой видны стеклянные башни в неоновых огнях и стройплощадок. Стрелы кранов поворачиваются в разные стороны на фоне неба. Здесь слишком открытое место: нечему остановить мчащийся вверх по реке ветер, ничто не ограничивает бескрайнее небо.

– Это шутка? – вскидывает бровь Филдинг. Ничего нового. – Хреновая шутка.

– Это всего лишь разведка, – произносит Йоханссон. – Я захожу, осматриваюсь и возвращаюсь. Сорок восемь часов. Все.

– Я не верю. Программой руководит Джон Кийан. – Будто Филдинг не знал этого с самого начала, когда впервые заговорил с ним об этой работе, попыхивая сигарой в темной комнате бара в Сохо и светясь самодовольной улыбкой: «Тебе понравится это дело. Это просто «Миссия невыполнима». Клиент, похоже, выжил из своего скудного ума».

Йоханссон отводит взгляд.

Филдинг, не моргая, смотрит на него.

– И что? Думаешь, у этой операции есть сроки давности? Или у Кийана случилась амнезия? Думаешь, он простит то, что произошло с Терри Канлиффом?

– Он меня не знает, – повторяет Йоханссон. – Я только разведую обстановку.

– А безопасность? Это чертовски рискованно. И как ты думаешь выбраться оттуда? Это тюрьма, черт подери. Ты не можешь открыть дверь и выйти.

Над головой кричат неведомо откуда налетевшие чайки, механизмы на стройплощадке выпускают в воздух отвратительные дизельные пары.

– Надо использовать людей из Программы, – говорит Филдинг. – Там полно преступников, пусть они это делают. Найди какого-нибудь парня с мозгами, перехвати его, прежде чем он туда сядет. Такого, кого дети ждут на свободе. Одного из них мы заберем, чтобы стало ясно, как далеко мы готовы зайти.

От этих мыслей становится не по себе, но это в любом случае не имеет значения. Подобного не случится.

– Я пойду, – произносит Йоханссон.

Конечно, он никогда не проваливал дела. И опять Филдинг возвращается к старому, предупреждает, как это опасно, делает вид, будто отговаривает, ведь именно это толкает Йоханссона к цели, верно? Настанет день, и он скажет себе: «Теперь можешь остановиться. Ты выдохся». Но до этого дня далеко.

– А Карла? Она сможет тебя туда отправить?

– Она над этим работает.

Филдинг доволен и не желает этого показывать, поэтому отворачивается.

На другом берегу копер методично врезается в грязь.

– Все? – спрашивает Йоханссон.

Но Филдинг еще не закончил.

– Почему я должен отдавать этот заказ тебе? – продолжает он. – Ты не должен в этом участвовать. Тебе не справиться, и ты это знаешь. У всех есть свой лимит, сынок. Даже у тебя. Но ты отказываешься меня слушать, так?

Копер замолкает.

– Вы меня поняли? – опять спрашивает Йоханссон.

Филдинг опускает руку в карман, достает конверт и протягивает ему.

– Что с тобой? – резко говорит он. – Что, черт возьми, происходит? – И добавляет, словно Йоханссон ему отвратителен, словно идет против всего, что правильно: – Не похоже, что тебе так нужны деньги.

Конверт без подписи, гладкая коричневая бумага. Он его не открывает.

– Что этот человек сделал?

– Кое-что нехорошее, – отвечает Филдинг.

Йоханссон запирает дверь, плотно задергивает шторы и вскрывает конверт.

В нем всего один листок: фотография, распечатанная на дешевом цветном принтере на обычной бумаге. Какое-то время он неотрывно смотрит, затем убирает лист в конверт.

Через двадцать минут конверта уже не будет в его руках.

Образ навсегда останется в голове, целостный и четкий.

По какой-то непонятной причине изображение женщины стало для него сюрпризом.

Глава 3

День 2: четверг – день 5: воскресенье

КАРЛА

Вечером в четверг я приглашена на обед – вернее, Шарлотта приглашена, хотя сегодня вечером она вряд ли может составить приятную компанию. После одиннадцати я возвращаюсь в свою квартиру, и меня ждет конверт: его передал ночной портье, направляясь через фойе мне навстречу.

Алкоголь, содержащийся в двух бокалах вина, испаряется из моей крови за то время, которое мне требуется, чтобы подняться на лифте на свой этаж. Закрыв дверь, я сразу вскрываю конверт и достаю лист бумаги.

Ей лет тридцать, волосы цвета сливочного масла, на фотографии она в сером костюме, пиджак застегнут на все пуговицы. Он выглядит дорогим, как и ее стрижка: женщина может быть, например, юристом в крупной компании, выдержанная, хорошо воспитанная. Ее улыбка как оружие.

Клянусь, мне знакомо это лицо.

Имя ее нигде не указано, нет и подробностей биографии, только фотография.

Что натворила эта замкнутая богатая девочка? Почему кто-то хочет ее смерти?

Но это же просто: она преступница и была осуждена, как и все участники Программы, возможно, по какой-то причине ее лицо мелькало на экранах и появлялось в газетах. Менее чем через секунду перед глазами всплывает первая газетная полоса с фотографией и словом «МОНСТР!».

Должно быть, это месть. Возмездие за некое преступное предательство? Или решение семьи жертвы. Одно из двух. Странно, что Филдинг ничего не сообщил. Нам потребуется больше информации, чем он предоставил.

Пальцы ложатся на клавиатуру. Сеть позволяет мне переписываться с людьми на трех континентах. Незнание компьютерного сленга выдает во мне новичка, но сейчас меня это не волнует, и если это нервирует Финна, то не настолько, чтобы высказываться по этому поводу.

– Финн?

Ответ приходит почти мгновенно.

– К?...

Чувствую его удивление. За последний год Финн, как и остальные в моей Сети, привыкли переписываться с Крейги.

– Есть работа, оплата обычная, интересуется Программа, детали: имена, лица, биография, сообщишь только мне.

Мы не можем взломать систему, но нам и не надо. Нам нужно лишь скопировать файлы.

Пауза. Финн думает, или просто сервер работает медленно.

– Срок?

– Срочно.

– Сообщи. – Стандартный ответ Финна. Он стал меня раздражать. Но в жизни все не так, как в кино; это может занять несколько дней или недель. Финн сам не знает. «Сообщи» – все, что он может сказать.

Я прерываю переписку и откидываюсь на спинку кресла.

Днем я опять разговаривала с Филдингом, старалась выяснить детали о клиентах, но не узнала даже их имен: у Филдинга свои понятия о безопасности.

– Они пришли по рекомендации, – только и сказал он.

По рекомендации того, с кем он работал раньше и кто ему доверял и поручился за него. Но он так и не сказал, кто это был. Затем он спросил, как я собираюсь отправить Йоханссона в Программу, и я ответила в его же стиле, сказала, что работаю над этим вопросом. Доверие – улица с двусторонним движением, но мы находимся не на ней. На самом деле я провела весь день в поисках человека, который станет моим ключом в этом деле, хотя сам об этом никогда не узнает. Кандидат на эту роль в данный момент смотрит на меня с экрана. Позже я непременно изучу всю его биографию в поисках факта, который даст мне возможность им управлять, но у меня нет никакого желания копаться в его преступлениях... Вспоминаю о фотографии девушки, переданной Йоханссоном. МОНСТР. Они составят прекрасную пару.

Электронные часы в кабинете переключаются с 23:59 на 00:00. Наступила пятница.

Теперь пришло время поговорить с Крейги.

Я даже не предполагала, что моя жизнь станет такой. Некоторые вещи просто случаются помимо воли.

Я связалась с Томасом Дрю, еще не догадываясь, кто он на самом деле и чем занимается; такое случается с наивными девушками двадцати трех лет. У него был острый ум, мягкие руки и водянистые глаза шарлатана, а также самоуверенность, которой я не встречала ни в одном другом человеке ни до, ни после знакомства с ним. Оно произошло на вечеринке в Кенсингтоне, и через два часа мы уже оказались в постели.

Лишь через неделю я поинтересовалась родом его занятий. Табличка на двери его конторы гласила: «Дрю».

– Расследованиями, – ответил он с улыбкой.

Через месяц я начала с ним работать – слежка, поиски простейшей информации, секретарские обязанности – и только тогда поняла, чем на самом деле он занимается, какую Сеть он создал и кто его клиенты.

Через год я знала дело лучше его самого.

Алекс Крейги работал у него бухгалтером. Лет тридцати, а может, и пятидесяти, в темном костюме, скрытный и осторожный. Мне всегда казалось, что я ему очень нравлюсь. Моим приятелем стал Робби – стаффордширский терьер в облике человека, плотный, истово преданный, опасный. Он был шестеркой в одной мафиозной семье Ист-Энда, но решил завязать, когда умерла его жена, оставив на попечение семилетнего сына. Дрю использовал его для слежки иногда, когда требовалась сила. Однажды очень давно мы с ним поцеловались в машине, когда вели наблюдение за объектом. Этого требовало исключительно дело, но теперь я частенько напоминаю ему об этом моменте, когда хочу задеть и смутить.

В один из дней мы долго нигде не могли найти Дрю. Информация, которую он передал по банковскому делу, оказалась неверной, два человека погибли – их застрелили копы, – влиятельные гангстеры Лондона искали его, чтобы обсудить последствия.

Дрю бежал.

Робби сказал, надо завязывать. Я отправила его домой к сыну. Я была уверена, что и Крейги бесследно исчезнет – сложит финансовые документы в портфель и уйдет, – но, когда я сообщила о своем решении занять место Дрю, он остался.

Мы часто спорили, и сначала и потом, но год назад, когда я решила, что настало время передать кому-то другому работу с системой – снизить риск, заняться своей жизнью, – он оказался тем единственным человеком, кому можно все доверить. Крейги знает мои источники, платит осведомителям, дает мне возможность изолироваться от клиентов. Благодаря ему я могу оставаться невидимой, сохранить руки чистыми и быть в безопасности. Именно он сле-

дил за тем, чтобы ко мне не приближались люди типа Саймона Йоханссона. Впрочем, лишь в теории.

В пятницу я подъезжаю к складу. В глубине помещения темно, но я хорошо знаю дорогу. Я знакома со всеми местами встреч, я сама их нашла. Итак, я вхожу почти бесшумно, минуя охранника – слышны лишь едва уловимые звуки шагов и тихий скрип двери. Однако Крейги поворачивается и хмурится. Он замечает меня, и вот его узкое лицо обращено в мою сторону – любопытство, расчет? – но он не произносит ни слова. Сейчас другой человек будет задавать вопросы.

Напротив нас, разделенный ручейком яркого света, сидит мужчина лет шестидесяти. Низко склоненная голова, локти на коленях, руки висят, походя на плети. Он строен, седые волосы идеально подстрижены, одет просто и дорого. Привлекателен несколько воинственной красотой.

В кино ему бы дали роль полководца, ведущего войска в последний, решающий бой. Но место и атмосфера накладывают отпечаток, все это, несомненно, ущемляет его достоинство – на лице залегли глубокие складки, на лбу появилась испарина. Помимо аромата дорогого лосьона для бритья я ощущаю исходящий от него запах отчаяния.

– Я уволился, – произносит он. – Почувствовал, что настало время двигаться дальше. – Голос его дрожит.

– Вы уволились, мистер Гамильтон? Разве вас просили отойти в сторону, чтобы замести пыль под ковер? – У Крейги были манеры сына пастора и акцент Ист-Кил брайда. В такие моменты я верю, что в его кремниевом сердце нет и крупинцы сочувствия и жалости. – Вам следовало бы поступать разумнее.

Мужчина молчит. Он должен понимать, что это часть платы, которую ему придется внести. Но Крейги ведет себя так не из жестокости. Откровенное признание: мы всегда настаиваем на признании. Надо знать, с чем мы имеем дело.

Крейги продолжает:

– Давайте разберемся. Вы отступили от линии, предполагающей несовершенство ошибок, отсутствие вины, темных пятен на репутации и хорошую пенсию в завершение. В вашей жизни нет грязных тайн, допускающих возможность шантажа. Тем не менее вы пришли сюда с предложением больших денег за возможность начать новую жизнь. Люди так поступают, когда они убегают, мистер Гамильтон. Вопрос: отчего вы бежите? – Пауза. – Итак?

Ответ я так и не услышала.

Восемь лет назад я присутствовала при похожем разговоре на другом складе, а человеком, сидящим на стуле, был Саймон Йоханссон.

Он чисто выбрит, каштановые волосы хорошо уложены. Стильная одежда серого и черного цветов. Опрятный, сложно даже предположить, что у него тяжелая жизнь. Следы драки – содранная кожа на костяшках пальцев, бледнеющие синяки на лице, – но никакой бравады самоуверенного и жестокого человека. Ничего кричащего или специфического в облике. Мистер Никто. Никакого желания посмотреть на него дважды. Его обыскали, натянули на голову мешок, бросили в кузов машины без номеров и возили по всему Лондону. За его голову было назначено вознаграждение.

Он должен был покрыться холодным потом. Но нет.

– Вам надо все нам рассказать, – начала я. – Откровенное признание жизненно важно для вас.

Это была единственная причина, по которой я просила его рассказать, от чего он бежит. Я уже все знала. И все знали.

Разумеется, я изучила детали его биографии.

Родился в рабочем районе Солфорда. Отец швед, бывший моряк, любитель выпить и пустить в ход кулаки – имели место неоднократные аресты в пьяном виде и «мелкие инциденты» в маленьком домике, где он рос, прежде чем мать решила, что с нее довольно. (Ему было шесть, когда она ушла и не взяла с собой сына.) Затем были пропуски уроков, плохие оценки. Была запись о правонарушениях в подростковом возрасте – мелкие кражи и прочие такого же рода вещи.

Далее служба в армии. Рядовой, потом снайпер. Служба на Ближнем Востоке. Благодарности за мужество в бою. Армия спасла его, не так ли? Дала семью, приучила к порядку, дисциплине, привила уважение к себе. Показала, кем бы он мог стать, если бы очень захотел. И он захотел.

В конце концов, его отобрали на «дополнительное обучение» – перевели в войска особого назначения, занимавшие место между разведкой и войсками министерства обороны: люди уходят туда и не всегда возвращаются. Но Йоханссону повезло. Пять месяцев вдали от подразделения – затем он вновь вернулся к своим обязанностям.

Вскоре после возвращения в часть он ушел в отставку.

На этом записи заканчивались. Ничего о тех месяцах, что он плыл по течению жизни. Ничего о пьянках с друзьями в лондонских пабах. Ничего о вступлении в личную армию гангстера Чарли Росса. Как ничего и о первой работе, на которую его отправили с тремя другими солдатами: похитить человека по имени Терри Канлифф и сообщить боссу.

Когда я спросила Йоханссона, что случилось, он лишь ответил, что все было неправильно. Но впервые с того момента, как с его головы сняли мешок, я увидела отблеск хоть каких-то эмоций в глазах и дрогнувшие губы, что он явно считал позорным.

Этого было недостаточно, чтобы понять, что произошло с Терри Канлиффом. Я смотрела на Йоханссона и думала: «Ты ведь должен был умереть».

– Трепло, – говорит Крейги и качает головой. Он не верит ни одному его слову.

Мы переходим в маленькую комнату с заколоченными окнами: в ней лишь два неудобных стула и стол. Гамильтон надел капюшон и спешно скрылся из вида. Я слышу тихий щелчок, словно кто-то выключил свет.

– Кто он? – спрашиваю я.

– Вильям Артур Гамильтон. Работал в «Хоупленд», медицинский гигант. Он был по контракту директором совместного предприятия. Нужны четыре миллиона прививок от гриппа? Средства для жертв биологической атаки? Это все к нему. Связи с офшорами, частные контракты, но также и работа на правительство. – Крейги говорит сдержанно, без малейшей насмешки.

– Широкое поле деятельности для мошенников.

Крейги опять качает головой.

– Тут не только это. Гамильтон думал исключительно о том, как набить свой собственный карман, присваивал деньги за вакцины, которых никогда не существовало. Он до смерти перепуган. – Губы Крейги растягиваются в презрительной улыбке. – Может, Гамильтон получал взятки от некоторых малоприятных режимов за то, что отгружал им то, что не должен был. Может, не отгрузил, что нужно. Что бы там ни было, он уверен, что его ищут. Иначе зачем настаивать на конспиративном доме?

– Гамильтон не очень настроен говорить.

– Передумает. Дай мне неделю, и я все из него выблюю.

Крейги безжалостен: в темном костюме и пальто он похож на мелкого провинциального предпринимателя, но он хищник. Его темные глаза находят мои.

– Знаешь, я бы предпочел, чтобы ты не пришла.

Мы встречались раз в неделю, в обязательном порядке по пятницам, чтобы обсудить последние изменения в деле. Обычно эти встречи проходили в моей квартире. Крейги приходил с портфелем фиктивных документов, чтобы поддерживать версию, что он консультирует меня по финансовым вопросам. Но время от времени я прошу его разрешения присутствовать на таких встречах. Может, для того, чтобы быть в курсе? Или от скуки? Не знаю. Шарлотта Элтон мое настоящее имя, я с ним родилась. Долгое время оно было лишь псевдонимом, и даже сейчас, несмотря на все мои усилия, оно кажется мне ненастоящим. Шарлотта живет только для того, чтобы поддерживать легенду. Она вращается в обществе людей, принимающих ее и не задающих вопросов о личной жизни. Она приятная женщина, хороший собеседник; на нее могут рассчитывать ищущие благотворительную помощь, за ужином ее можно посадить рядом с неприятным гостем. Но сколько бы людей заметили, исчезни она завтра с лица земли?

Я отошла от управления системой, чтобы построить свою жизнь. Прошел год, а у меня так ее и нет. Поэтому иногда я прихожу, чтобы постоять в углу комнаты, спрятавшись в темноте за лучом света, и ничего не говорю. Но все же это не нравится Крейги.

– Ты хорошо работаешь, – говорю я.

– Ты решила убедиться?

– Ничего подобного.

– И ты не знаешь Гамильтона?

Верно, Гамильтон вполне мог быть одним из равных Шарлотте Элтон. Мы могли сидеть бок о бок в театре или концертном зале. Он такой: богатство, связи... но он чужой. Качаю головой.

– Я решила зайти просто так.

Крейги поджимает губы.

– Эти поездки подвергают тебя...

– Если это безопасно для тебя, то и для меня тоже.

Его взгляд говорит, что он не согласен. Его взгляд как несильный удар. Но разве не за это я ему плачу? За соблюдение осторожности, за расчетливость и тягу к риску. За необходимость уделять внимание мелочам не меньше, чем это делала я сама. И все же я раздражаюсь, но сглатываю неприятное чувство. Мы должны обсудить дела.

– Итак, что у тебя? – говорю я, и мы начинаем.

Обращение русской группы, подкрепленное хорошей суммой, но их внутренняя безопасность основана на чрезмерном кровавом насилии – мы им откажем. Новый японский источник, который, кажется, заслуживает доверия: Крейги его проверит. Модернизированный бренд-мауэр европейского банка, но у нас есть контакты с разработчиками программного обеспечения. И так далее, и так далее...

На узком лице Крейги выражение предельной концентрации, он вытягивает из своей памяти факты потенциальных клиентов, потенциальных источников, потенциальных угроз. Он приучил себя никогда ничего не записывать.

И только когда мы заканчиваем, Крейги встает и натягивает пальто, я говорю:

– Ты ведь помнишь Саймона Йоханссона.

Выражение лица Крейги дает мне исчерпывающий ответ. Разумеется, он помнит.

– Он вышел на связь.

Взгляд Крейги становится неожиданно острым.

– С тобой? Где вы встретились?

Отвечаю спокойно, словно нам не о чем волноваться.

– В опере. Прошлым вечером.

– Он подошел к тебе? На публике?

– Мы соблюдали осторожность. Никто не видел.

– Но он знал, что ты там будешь. – И затем тихо, почти под нос: – Это должно было случиться.

Крейги замолкает. Он и так достаточно сказал. В воздухе вновь всплывает давний предмет спора. На каждого, кто знает меня в лицо, он собирает компромат, и люди знают об этом. Кроме Йоханссона.

Наконец Крейги спрашивает:

– Что ему нужно?

– Как всегда. Документы для работы. – Я замолкаю на несколько секунд. – В Программе.

Крейги вскрикивает.

– Он спрашивал, могу ли я помочь ему проникнуть на территорию. В качестве заключенного. Временно.

– И ты сказала: нет.

– Я сказала, что буду искать, что можно сделать.

– Ему нужны документы преступника. Это невозможно.

Я даю Крейги еще несколько секунд.

– Невозможно, – повторяет он.

И я ему все рассказываю.

Райану Джексону тридцать пять. На моей фотографии он выглядит старше. Родился в Великобритании, но в двадцать семь лет переехал в Штаты – по глупости отправился в Лос-Анджелес. Связался с местной девушкой, официанткой, и на некоторое время смог исчезнуть из-под контроля властей. Все шло нормально, пока он не надоел девушке и она нашла себе другого. Тогда он пошел к ней домой, застрелил парня и стал ждать ее. Показал ей, что сделал с ее другом, а потом напал на нее. Она умирала шесть часов; он сидел и смотрел.

Потом он сказал полиции, что у нее такая судьба.

Вероятно, у него был хороший адвокат: в Калифорнии не отменена смертная казнь, но он отбывает пожизненное заключение в тюрьме Викторвилл.

Райан Джексон – ничтожество низшего уровня. Но у него подходящий возраст, вес и прочие физические характеристики. Он похож на Йоханссона.

Крейги опять качает головой.

– И для чего он явился в Программу? – не успокаивается он. – Друзей навестить?

– По нашей легенде, у него связи с организованной преступностью США. Он получит информацию и готов поделиться ею при условии, что сможет проникнуть на территорию. Власти США якобы обратились к Британии с просьбой о содействии в этом вопросе: их человек останется в Программе на три недели, чтобы выяснить, как там все работает. Однако официально он считается осужденным в США преступником, и Штаты несут за него ответственность. Все будет выглядеть так, будто он сам вызвался. Его данных не будет в системе Программы. Райан Джексон все нам рассказал и объяснил: по какой причине Йоханссон может хотеть туда попасть, зачем ему поддерживать с нами связь на протяжении всего времени его пребывания на территории и как он может объяснить возможность выйти оттуда.

– Когда Райан Джексон возвращается в Калифорнию? – Казалось, Крейги находится под впечатлением от услышанного.

– Похоже, он никогда не уедет.

– У Джексона нет связи с криминальным миром Британии?

– Нет, насколько мне известно. Впрочем, я продолжаю за ним следить.

– Ему понадобится напарник. – Глаза Крейги сверкают. – Уитман. Ты позвонила ему, прежде чем прийти сюда. Вот почему ты опоздала.

Майк Уитман был сотрудником разведывательных служб, высоким человеком, склонным к диспепсии, обладающим легким акцентом, выдающим его происхождение из Алабамы и тридцатилетним стажем работы в секретных службах США – пятнадцать из них он просидел за столом в ЦРУ. Он знает меня как Лору Прессинджер, знает много лет, но не вполне уверен, кто на самом деле люди Лоры – они предпочитают не обмениваться визитками, – но предполагает, что они из разведки. Лора работает легально, но иногда ей требуются помощь в оформлении американского паспорта, внутренняя информация служб США, и она готова на многое закрывать глаза.

Уитман обитает в сером мире, где все решается с помощью нужных контактов и выглядящей правдоподобной бумажной работы, где некоторые формы двурушничества являются обыденной практикой. Добавьте к этому поздний брак восемь месяцев назад, красивую жену-француженку, по настоянию которой он перебрался в Париж, и его изолированность от заказчика, Вашингтона и Лэнгли. Ему нужны деньги. Он жаждет работать. Когда я сказала ему все, что хотела, он сдержанно произнес:

– Вы все играете в Джеймса Бонда, Лора?

– Вы были бы разочарованы, если бы я все бросила.

Крейги рассмеялся в ответ, но не слишком искренне.

Сегодня он уезжает на поезде «Евростар» с вокзала Гардю-Нор.

– Если кто и сможет все это сделать достойно, так это Уитман, – заключаю я.

– А Вашингтон? – интересуется Крейги. – Министерство юстиции США с этим связано?

Потребуется лишь один телефонный звонок.

– Мы сможет обеспечить Йоханссону достаточно документов, чтобы со всем справиться. Все бумаги будут в понедельник там, где нужно. В таких делах каждого волнует, лишь чтобы его задница была прикрыта. Так и будет. Йоханссон появится с эскортом, его будут ждать.

– Ты сказала, он пробудет там три недели. С чем связан этот срок? – Как всегда, вопрос весьма неглупый.

– Нам так удобнее.

– Или ты предполагаешь, что у тебя есть столько времени, прежде чем кто-то позвонит в Вашингтон? А Йоханссон знает, каковы риски? Если кто-то что-то заподозрит или свяжется с Вашингтоном, пока он будет в Программе...

– Разумеется, я его предупрежу.

– Но мы работаем в любом случае, верно? – Крейги вновь качает головой и продолжает, чуть понизив голос: – Это же тюрьма, Карла.

Я понимаю, что он хочет сказать. Это может быть ловушка.

– Филдинг проверил клиента. Он дерьмо, но я доверяю ему достаточно, чтобы не рисковать лучшими людьми. С полицией тоже все схвачено: если кто-то из членов преступных группировок попытается вмешаться в операцию и перехватить засланного человека, никто об этом не будет знать. В любом случае разве он представляет для нас угрозу? Не думаю, что ловушка настолько серьезная, чтобы попасться.

– А ты? Ты ведь тоже рискуешь.

– Никакого риска.

– Карла, много лет назад мы договорились...

Я помню.

– Всего лишь единичное дело, – как можно мягче произношу я. – Ничего особенного. Всего один раз.

Несколько мгновений Крейги молчит, уставившись в пол, затем говорит:

– Ты не можешь в этом участвовать.

– Я уже участвую. Он пришел ко мне. Я несу за него ответственность.

– Зачем, Карла? Почему он для тебя особенный?

У меня нет ответа.

Я решаю, что Крейги сдался, но у двери – портфель в одной руке, другая сжимает дверную ручку – он останавливается и оборачивается ко мне, на худом лице застыло выражение неодобрения.

– Подумай еще раз о Саймоне Йоханссоне, Карла. Он человек ненадежный.

Я понимаю, почему он так говорит. Но ведь любое дело, за которое брался Йоханссон, он делал чисто. Кроме первого. С Терри Канлиффом.

Терри Канлифф: за сорок, полноват, круглолиц, постоянно в приподнятом настроении. Порядочный парень. Недолгое время работал на Джона Кийана, а четыре-пять лет назад пришел ко мне как эмиссар своего хозяина с просьбой раздобыть информацию, где и что можно продать. Он не был жестким и не был смелым, но легко выдержал унижительные процедуры проверки нашей службы безопасности. Он мне понравился, очень понравился, хотя я не позволила ему увидеть свое лицо.

Терри был никем, пока Джон Кийан не объявил войну Чарли Россу, и Терри стал мишенью.

Саймон Йоханссон тоже был никем, рядовой уличный бандит, пока его не завербовал Чарли Росс и не отправил за Терри; впрочем, он был там лишь для массовости, на случай, если возникнут проблемы. Они не возникли. Терри пришел один.

Они посадили его в машину и отвезли на удаленную ферму. После этого ситуация вышла из-под контроля. Терри умер до окончания ночи. Не своей смертью, конечно, хотя и пулю в висок ему никто не пускал.

К тому времени, как Йоханссон связался со мной, события развивались непредсказуемо. Три человека, которые вместе с ним сопровождали Терри, были найдены мертвыми – двое в карьере, один в обгоревшей машине в поле. Они были убиты по приказу босса Терри Джона Кийана. Всех троих перед смертью пытали.

Следующим должен был стать Йоханссон.

Он не предполагал, что я была знакома с Терри. Йоханссон пришел ко мне для того, чтобы я помогла ему исчезнуть. Причин лгать у него не было, он не мог знать, что, сказав: «Откровенное признание жизненно важно», я ждала, что он расскажет о последних часах жизни знакомого и симпатичного мне человека. Однако мне необходимо было это знать. Располагая информацией, я могу предполагать, чего следует ожидать в будущем. Когда я сказала ему: «Извини, я не могу помочь», и мы оставили его там одного, без защиты, люди Кийана приближались.

Откровенное признание жизненно важно. Разумеется, я все уже знала. Отвернуться от него было бы неправильно.

Мы помогли Йоханссону исчезнуть. Мы проработали всю его биографию: номер национального страхования, номер Государственной службы здравоохранения, номер налогоплательщика – каждое место, в котором он жил, каждую школу, в которой учился, каждое место работы. Мы ликвидировали его паспорт, банковские карты, права. Мы стерли всю информацию о нем.

Крейги не понимал, что мы делаем. Любопытно, докопался ли он до сути тогда, когда мы уничтожали последние следы Саймона Йоханссона: данные тестов министерства обороны и данные о «дополнительном обучении». Характеристика на Йоханссона изобиловала малопримечательными военными терминами, но на полях кто-то от руки нацарапал: «*Ненадежен*».

Крейги заметил это слово и задумался. Этот человек псих, в нем тикает бомба замедленного действия. Но в тот вечер Крейги не было с нами, он не слышал легенду. Он не предполагал, что есть и другие ненадежные, и Йоханссон один из них.

Это не делает его менее опасным, хотя многие могли бы поспорить с этим утверждением. И все же я должна была сохранить ему жизнь. Прошлое Саймона Йоханссона я уничтожила, а затем отправила сообщение в нору, где он скрывался. Через пятнадцать минут он покинул дом, словно никогда там не жил. В течение двадцати четырех часов он покинул страну по фальшивым документам и вскоре уже был в Тунисе. На этом все закончилось; по крайней мере, я так думала.

* * *

Мой конспиративный телефон зазвонил в 21:54 в субботу.

Сразу узнаю Робби по его акценту Ист-Энда.

– Он едет. Будет минут через шесть. – В голосе чувствуется раздражение тем, что кто-то может подобраться так близко, не будучи обнаруженным.

Ровно в десять Йоханссон уже у дверей. Я долго колебалась, дать ли ему адрес, но оказалось, что он у него уже есть. Разумеется.

Сегодня его отличает карболовая чистота человека, который якобы не придает большого значения внешнему виду, но это иллюзия. Он сделал все возможное, чтобы превратиться в чистый холст, удалив все примечательные детали, которые могут врезаться в память, и теперь выглядит идеально безликим. Мистер Никто.

Прежде чем пройдет двадцать четыре часа, он вновь станет кем-то: будет носить другую одежду, иметь новые прошлое и воспоминания, отзываться на новое имя.

Немногие способны сделать то, что может он. Большинство не в состоянии подчиниться такой жесткой дисциплине и потерять связь с собственной жизнью. Они становятся беспокойными и нервными, затем начинают нарушать правила из-за небрежности или по рассеянности. Но не он: для него переход из одной жизни в другую не более чем смена пиджака.

Отчасти это результат развитой силы воли. Но в большей степени это происходит благодаря привычке к одиночеству. Он порвал связь с семьей много лет назад. У него мало знакомых и нет близких друзей. Он спит один.

Возможно, именно поэтому процесс для него столь легок: в его жизни так мало событий, по которым можно скучать.

– Ты попадешь на территорию под именем Райана Джексона, рожденного в Великобритании, но проживающего в США, отбывавшего наказание в Викторвилле, Калифорния: осужден за убийство двух человек. Воспользуешься его удостоверением личности.

Я кладу бумаги на журнальный столик, за которым сидит Йоханссон. Он мгновенно берет папку и начинает просматривать документы. В них все, что я смогла найти о жизни Джексона. Там есть и фотографии его девушки в момент их знакомства и позже, когда ее уже нашла полиция. Раны на ее теле приводят в шок, но Йоханссон лишь несколько раз моргает и без слов переворачивает страницу. Он видел такое не раз.

– Тебя будет сопровождать американец по фамилии Уитман. Он знает, что ты не Джексон. Это все, что ему положено знать. Он не осведомлен о том, зачем тебе нужно быть в Программе, и не будет задавать вопросы. Сколько тебе нужно времени на разведку?

– Сорок восемь часов, – отвечает он, не отрываясь от папки.

– Отлично. Через сорок восемь часов Уитман поможет тебе выйти, чтобы поговорить. Тогда тебе нужно будет принять решение: остаешься или возвращаешься с ним.

– Сколько у меня времени на все?

– С первого проникновения до окончательного ухода? Думаю, недели три. После мы забередем тебя навсегда. Трех недель тебе хватит?

Он поводит плечами, давая понять, что вынужден принять условия.

– Все это время мы будем стараться, чтобы ты не привлек внимания. Как только кто-то начнет задавать вопросы или проявлять интерес, мы тут же тебя вытащим. Существует угроза, что...

– Я знаю.

– Ты получишь от Уитмана номер, по которому сможешь связаться с ним в любое время дня и ночи. Если возникнут проблемы, звонишь ему и говоришь, что хочешь встретиться, он сразу тебя вытащит.

– Проблем не будет.

Подаю ему вторую папку.

– Программа. Управляется частной структурой безопасности под руководством Джона Кийана. – Я чуть наклоняюсь вперед, не вставая с места, надеюсь, что он поднимет глаза и посмотрит на меня. – Он может поинтересоваться, кто ты.

Йоханссон не поднимает глаз.

– Я – Райан Джексон, – говорит он таким тоном, будто это конец.

Да, конечно. Его может узнать только Чарли Росс, а Чарли Росс мертв.

Я внимательно слежу за тем, как он читает.

Кажется, мой взгляд ему не мешает, хотя он, безусловно, его чувствует. Он – снайпер, обладает присущей снайперам способностью концентрироваться, а сейчас его волнует только человек, которым он должен стать, и место, куда ему предстоит отправиться. Через некоторое время он откидывается на спинку кресла и опускает веки, начиная анализировать информацию и пропускать ее через себя. Иногда его руки шевелятся, и шрамы становятся отчетливо видны при ярком свете.

Похожее пустое помещение, тот же яркий поток света. Саймон Йоханссон, но уже два года спустя. Ужасная смерть Терри Канлиффа оставила в его памяти грубый рубец. Джон Кийан и Чарли Росс за решеткой, без надежды выйти на свободу.

У Йоханссона новое имя. Он работает на Филдинга, и ему требуется информация. Мы привезли его на встречу со всеми необходимыми мерами предосторожности: темные пластины на номерах машины и мешок на голове. На этот раз мы его не сняли.

Он подошел к своему стулу и произнес:

– Помните меня?

Йоханссон замер на несколько мгновений, затем продолжил:

– В тот раз я не спросил, как тебя зовут.

– Карла, – отвечаю я. – Можешь называть меня Карла.

– Шпионское имечко.

– Да, так звали заклятого врага Джорджа Смайли. – Никогда не поверю, что он читает Ле Карре.

– Кого?

– Не важно. Итак, – продолжала я, – тебе нужна информация.

Речь шла о заказном убийстве.

С этого мы начали снова еще через два года, сидя в пустом помещении, разделенные полоской света, я в тени, невидимая ему, он – ослепленный лучом. Он был всегда спокоен, сдержан, вежлив, всегда сидел неподвижно, задавал лишь необходимые вопросы, никогда не позволяя себе перейти границу установившихся отношений, не позволяя себе ничего лишнего.

Четыре года назад я показала ему свое лицо.

Йоханссон специализируется на тяжелой работе, требующей внимания и терпения, с высокой степенью риска; его досье невозможно взломать. У него есть правила, хотя мне потребовалось время, чтобы их понять. Он никогда об этом не говорил.

Некоторым нравится наблюдать за последствиями. Они, не шевелясь, переживают безмолвную, ледяную тишину, длящуюся секунды четыре, чтобы потом насладиться ужасом на лицах свидетелей, увидеть раскрытые рты с застывшим в них криком, объятия, выдающие желание укрыться.

Некоторые спокойно воспринимают сопутствующий ущерб – толпа очевидцев, кровь на асфальте – как издержки профессии. Он как раз один из них.

Некоторые выпускают вторую пулю в никуда, в хаос, несмотря на то что работа уже выполнена. Это для них развлечение. Йоханссон считает их больными людьми. Жизнь невинных он дорожит.

Его жертвы ни о чем не догадываются и не страдают, даже те, кто этого заслуживает: гангстеры, имеющие вкус к пыткам, женщины, продавшие собственных детей в секс-индустрию, вышедшие на свободу педофилы. Моральные принципы Йоханссона просты: их смерть predetermined, это решили за него, но ему выбирать, какой она будет.

Оправдывает ли его это или выставляет лицемером? Я не могу сказать. В моем мире мало хороших людей. Похоже, у меня неверная система отсчета.

Крейги до сих пор не может его понять. Любого человека постоянно мучили бы кошмарные воспоминания о том, что произошло с Канлиффом. Саймон же, напротив, стал лишь лучше делать свою работу.

Крейги прав: прошедшие годы сделали Йоханссона уверенным, методичным профессионалом, каждый удар которого выверен и почти идеален.

И все же я не перестаю удивляться, тот ли это человек, который скрывался на ферме после гибели Канлиффа, – признанный армией *ненадежным* – сидит сейчас передо мной.

Впрочем, он никогда не позволит мне этого понять.

Перед ним карта Программы – на ней ориентиры, которые ему надо запомнить, на случай непредвиденных обстоятельств, – он смотрит на нее, словно сканирует.

– Если возникнут проблемы, – прерываю я его, – немедленно звони Уитману. Он вытащит тебя максимально быстро. Но есть ограничения. Патрули?

Не отрывая глаз от схемы, Йоханссон произносит:

– «Ренджровер», три вооруженных бойца.

– Формально они курсируют по территории днем и ночью. Но в ночное время Программа, скажем так, блокируется. Ворота запираются. Патрули возвращаются на базы и остаются там до утра. – Я наклоняюсь вперед. – Если возникнут проблемы, тебе надо успеть выйти до шести, иначе застрянешь до утра.

Йоханссон кивает, по-прежнему глядя на карту.

– Что же касается цели, мы все еще не получили доступа к досье на всех заключенных. Ждем. Полагаю, они поступят в ближайшие несколько дней, но не исключено, что тебе придется идти без...

– Не важно. Это разведка.

– Филдинг не сказал, что она сделала?

– Что-то плохое.

– И все?

Он лишь пожимает плечами.

По крайней мере, не убийство. Если бы нам удалось ее найти, удалось бы все пояснить, она могла бы сделать заявление, способное взорвать Интернет и стать сенсацией в средствах массовой информации. Женщины всегда так делают. Я просмотрела записи судебных заседаний, списки разыскиваемых преступников и даже чаты на сайтах бывших заключенных, но не обнаружила ничего об этой женщине.

– Я не смогла ничего о ней найти, – говорю я. Ни слова в ответ. – Йоханссон, с ней надо действовать с должной осмотрительностью.

Впервые с начала нашего разговора он смотрит мне в лицо. Его глаза кажутся при таком освещении серыми, как Северное море, но я знаю, что они голубые. Взгляд говорит мне все, но он добавляет:

– Это просто разведка.

Он уходит уже в начале четвертого утра в воскресенье. Я сразу же отправляюсь в кабинет и уничтожаю файлы, а затем вхожу в систему видеонаблюдения здания и вижу, как Йоханссон пересекает фойе, кивнув ночному портье. Он минует главный вход, и вот уже в темноте ночи едва видна его безликая фигура в пальто. Мистер Никто. Пройдешь мимо и не обернешься.

Я возвращаюсь к окну, чтобы увидеть, как он будет переходить улицу, но он уже скрылся.

Звонит телефон. Это Робби.

– Проследи за ним.

– Не волнуйся, – отвечает он.

Кто-то хочет, чтобы женщина умерла, и очень хочет, раз готов платить огромные деньги. Эти люди читали о Программе в Интернете – об условиях для занятия спортом, возможности обучения, ресторанах и помощи в открытии своего дела – и поверили каждому слову. Теперь они стремятся к тому, чтобы наказание соответствовало преступлению, каким бы оно ни было... Я убираю фотографию молодой улыбающейся женщины, но в воздухе по-прежнему витает нечто, подсказывающее, что я не могу так просто о ней забыть. Вновь возвращаюсь к воображаемой первой полосе с кричащим заголовком. Что же она совершила? И почему я не могу найти о ней никакой информации? Вновь звонит телефон. На этот раз на секретной линии Крейги. Он никогда не пользуется мобильным: риск слишком велик.

В первое мгновение в голову приходит мысль, что Робби не единственный, кто следил за Йоханссоном, – если Крейги установил за моим домом наблюдение, он тоже видел выходящего из здания Йоханссона и может совершить еще одну попытку контролировать мои действия.

– Карла? – произносит он, и его напряженный тон подсказывает, что дело совсем в другом.

Большинство моих клиентов, скорее всего, преступники, но мы заключаем с ними честные сделки и не отступаем от правил: я предоставляю им то, что они желают, а они за это платят. Мое лицо видели немногие, и я позаботилась о том, чтобы иметь на них достаточно информации, чтобы разрушить их жизнь полностью и навсегда. Все же между нами присутствует доверие.

Пять лет и восемь месяцев я работала на клиента, которому не имею права доверять, на клиента, с которым никогда не встречалась, не разговаривала, мы связаны с ним лишь виртуально. Это человек никогда не знал меня как Карлу, и он никогда мне не платил.

Его зовут Питер Лейдлоу, он работает на британскую разведку, и теперь, сквозь туман собственного шока, до меня доносятся слова Крейги о том, что с заключением о смертельном диагнозе в кармане он бросился под поезд.

Глава 4

День 5: воскресенье

ПАУЭЛЛ

Дом, но нет ощущения возвращения домой.

Утром в воскресенье звонит телефон. *Что-то произошло. Это связано с предстоящим полетом.*

Тея в платице феи собралась с матерью на обед, на котором предстояло решить сложную проблему: прикреплять ли крылья к пальто. Он обнял ее на прощание, вдохнул исходящий от нее клубничный аромат, размышляя при этом, как долго его не будет. Он обещал себе, что недолго, хотя понимал, что обещание он вряд ли в состоянии сдержать.

В 18:15 вылет в Даллас – короткая трансатлантическая ночь – чуть более семи часов в воздухе – и затем приземление в Хитроу: 6:20 по Гринвичу, темное зимнее утро, блеск посадочных огней, коридоры аэропорта, запах полета въелся в него, как зловоние долгой болезни. Его биологические часы все еще установлены на восточном поясном времени, а он так и не сомкнул глаз.

В аэропорту его встречает водитель с табличкой.

– В отель? – с надеждой спрашивает он, сейчас не помешало бы принять душ, прежде чем начать работать.

Однако мужчина произносит:

– Сразу в офис, если не возражаете, сэр.

Он кивает, ответ вполне ожидаем.

И вот они уже в Длинном зале, выходящем окнами во внутренний двор, одинарные стекла сбивают с толку, но защищают от прослушки, дверь устроена так, что стоит ее закрыть – и ни один звук не проникнет наружу. В комнате только он и начальник отдела, между ними воскресный кофе и блюдо с выпечкой, призванной разрядить обстановку, с чем она не справляется.

– Лейдлоу, – начинает начальник отдела. – Питер Лейдлоу, – резко повторяет он. – Вам знакомо это имя?

Пауэлл отрицательно качает головой. Имя ему ни о чем не говорит.

Мужчина кладет на стол папку толщиной в два дюйма; Лейдлоу слишком стар, или он просто был очень занят. Пауэлл открывает папку и смотрит на фотографию мужчины, на первый взгляд лет семидесяти. Затем пролистывает бумаги: сотрудничал с МИ-6, человек Москвы, вербовщик агентов, один из профессионалов бывшего совблока. Вызвал подозрение – внезапное предположение – и затем: чем? Насколько все серьезно? Вероятно, достаточно, если его отозвали из Вашингтона. Пауэлл возвращается к документам.

Питер Лейдлоу много лет назад подал в отставку. Все секреты, которые он мог раскрыть, уже устарели.

Из-за этого меня бы не вернули.

Шеф откидывается на спинку кресла, скрестив руки, отворачивается к окну. Видно, что ему не по себе.

– Что он сделал? – спрашивает Пауэлл.

– Вы где были пять лет назад? – вместо ответа, интересуется шеф.

– Здесь.

«Здесь» означает в одном из кабинетов дальше по коридору без таблички на двери. «Здесь», среди агентов разведки и работников спецслужб. Три года такой работы. Один год в браке. Яркие обещания, Тея. Ощущение всевозможности.

– Пять лет и восемь месяцев назад Питер Лейдлоу появился на пороге Темз-Хаус¹ с пакетом в руках и отказался уходить. Странное решение. Питер Лейдлоу работал на МИ-6, почему он не пошел туда, где многие могли за него поручиться?

– Почему не на Воксхолл-Кросс? Почему?...

Начальник отдела его решительно перебивает:

– Таковы были его инструкции.

– От?...

Шеф пронзает его взглядом.

– Вы уверены, что ничего об этом не знаете? – Уже не в первый раз у Пауэлла мелькает мысль, что его поэтому отправили в Вашингтон. Он обработал слишком много дел? Слишком многое знал?

– Абсолютно.

Шеф хмурится и продолжает:

– Он два часа просидел в офисе и настаивал на встрече с офицером из отдела Джи. В конце концов, к нему отправили первого попавшегося человека, только чтобы скорее со всем покончить. – Шеф замолкает.

Лишь один вопрос кажется уместным.

– Что было в пакете?

– Это.

Начальник отдела открывает папку и достает фотографию. Знакомое лицо: женщина лет сорока с безжалостным взглядом. Эйлин Грейнджер, повинная во взрывах в родильном отделении.

– Лейдлоу выдал конфиденциальную информацию на Грейнджер?

– Время, место, данные, все. За Грейнджер наблюдали все – наши, американцы, все. Никто не знал, что она планирует. Кроме Питера Лейдлоу.

– Как он узнал?

Шеф моргает.

– Получил информацию из анонимных источников.

Загоняют зайца, но это может подождать. Пауэлл откидывается на стуле.

– И что потом?

– Ничего в течение четырех месяцев. За это время наблюдение за ним МИ-5 сокращалось: надоело ходить за стариком, занятым своими обычными делами. Решили, что это единственный случай, и вдруг он появился снова.

– Опять с пакетом?

– На этот раз с конвертом. Наводка на денежные потоки: финансирование экстремистской ячейки в Штатах. Через два месяца он сообщил, что источник себя скомпрометировал. Еще месяц... И так далее. Тогда за ним следили круглосуточно, требовалось узнать, откуда поступает информация.

– И каков результат?

– Кто бы он ни был, он был связан с Москвой. Конспирация. Знаки мелом на деревьях. Тайники. Мы имеем дело со старой школой. Минимальное использование современных технологий. – Лицо начальника отдела становится кислым.

– А Лейдлоу? Что он говорил?

¹ Темз-Хаус – штаб-квартира британской спецслужбы МИ-5.

– Утверждал, что не имеет понятия.

– Такое возможно?

Шеф не отвечает на вопрос и продолжает:

– Скорее всего, кто-то из разведки. И он связан с Россией.

– Установлен?

– Лейдлоу называл его Нокс. – Шеф качает головой. – МИ-5 перехватывали его почту.

– И?...

– Пришло сообщение от Нокса: «Прекратите перехватывать почту».

– Нокс узнал?

– Или догадался.

– Как поступили люди из МИ-5?

Шеф иронично усмехнулся:

– Отступили. Лейдлоу позвонил им ночью из автомата. Сообщил, что в ночном клубе в Айя-Напе будет стрельба.

– Это был Нокс?

Начальник кивает:

– МИ-5 представили информацию так, будто она пришла из нескольких источников. Технический персонал работал под псевдонимом Альбатрос. Дополнительные доходы «Аль-Каиды» стали Алхимией. Отмывание денег Зеленым человеком. Нокс контактирует по крайней мере с семью различными людьми. Последний раз мы здорово повеселились год назад. Некоторые из пяти ребят почувствовали, что им мало заплатили, и выставили информацию на торги: за кем наблюдали, как наблюдали. «Аль-Каида» ничего не стала предпринимать. Нокс сохранил все для нас.

– И мы до сих пор не знаем, кто такой Нокс?

Шеф медлит и кивает.

– Сколько в этом деле задействовано людей?

– Помимо шишек из МИ-5? Мало. У Лейдлоу были свои люди – только представь, не самая простая работа справиться с человеком Москвы. Несколько аналитиков, связные...

– Американцы?

– Они не знали, что все пришло из одного источника.

– А мы знаем, кто такой Нокс?

Начальник отдела колеблется. Непростой момент.

– Нет, – наконец произносит он. – У нас нет информации. В МИ-5 думают, что справятся со всем сами. – Или не желают признавать существование источника, который сами не установили. – Лисон. Помнишь Лисон? Ее подключили к операции с торгами. Но никто не говорил ей о Ноксе, мы даже не знали, существует ли он.

– И что изменилось?

– В пятницу вечером Лейдлоу бросился под поезд. Самоубийство, – добавляет шеф. – У него был рак. Опухоль мозга. Последняя стадия... Новость секретная, но все рано или поздно просачивается в Сеть. – Он вздыхает. – Как только они поняли, с кем имели дело, сотрудники МИ-5 пришли к нам.

Шеф выжидательно смотрит на Пауэлла. Тот рассматривает фотографию. Двойной подбородок, отсутствие чувства юмора, умеет хранить секреты, внимателен к деталям. Человек старой закалки.

– Они понятия не имеют, кто такой Нокс. Лучший источник информации, который они потеряли. – Пауза. – Должно быть, он из России. Из службы внешней разведки, некто, знакомый с Лейдлоу лично или знавший о его существовании. Возможно, англофил.

Сделавший это по доброте душевной?

– Нокс ничего не просил взамен? Деньги? Гарантию получения убежища?

Шеф качает головой.

Они еще не выяснили.

– Вы хотите, чтобы я нашел Нокса?

– Только разработал способы контакта. Никакого прямого выхода на связь, ясно? Все, что узнаете, немедленно отправляете нам.

Пауэлл кивает. Начальнику необходима информация лично для себя.

– Да, и отчеты о промежуточных результатах.

Не задумываясь, Пауэлл произносит:

– Но раньше мы никогда...

– Я знаю, как мы обычно работаем, я все еще начальник. Я знаю, что обычно вы не отправляли никаких отчетов, пока дело не завершено. Но Нокс совсем другое. Совсем. – Шеф ерзает в кресле, принимает удобную позу и продолжает: – Что же касается средств, просто скажите, что вам необходимо. – Шеф кивает, словно это все решит.

– Остальные знают, что я вернулся?

– Нет, конечно.

– Кто сейчас здесь?

– Моррис, хотя она семь месяцев назад ушла в отставку. Картер, Лисон. Кингман – спецподразделение.

– Что им будет известно?

– Как обычно. – Он имеет в виду – ничего.

– А неофициально?

– Что вам предстоит очистить авгиевы конюшни. – Шеф позволяет себе легкую улыбку.

– Что им с этим делать?

– Что сочтут нужным, – отвечает шеф. – Что сочтут нужным.

Еще один кабинет без таблички на двери. На столе пропуск и список квартир, находящихся в его распоряжении. Пауэлл бросает досье на Питера Лейдлоу, и оно тяжело ударяется о поверхность.

9:35 по Гринвичу. 4:35 по восточному поясному времени.

Тея спит уже четыре часа. Он так и не пожелал ей спокойной ночи.

Часть вторая

Глава 1

День 7: вторник

ЙОХАНССОН

Йоханссону снится человек в кабинете. Он сидит за столом, сцепленные руки лежат поверх папки с документами; на папке его, Йоханссона, имя.

Губы мужчины шевелятся, словно произносят слова, но звука Йоханссон не слышит.

Он просыпается. Пробивающийся сквозь занавески свет уже приобрел желтоватый оттенок. Часы на прикроватной тумбочке показывают 6:02. Уличное движение оживает.

Они привезли его сюда, в четырехкомнатную квартиру в южной части Лондона, вчера. С ним еще трое: двое дежурят, один отдыхает. Американец, Уитман, оказался высоким сухопарым человеком, который постоянно принимает антацид, возможно, у него язва. Его помощники молоды, скорее всего, им немного за двадцать, оба британцы, довольно опытные: от них пахнет армией, а этот запах ни с чем не перепутать. Они смотрят на него с опаской. Неудивительно, учитывая, кем он теперь стал.

По большей части Йоханссон ничем не занят. Ожидание перед началом работы – дело привычное: несколько дней подряд он одет в одну и ту же одежду, питается консервами, слушает разговоры других людей, живущих своей жизнью, – голоса соседей, звуки телевизора... С одной стороны живет женщина с ребенком, он их никогда не видел, но слышал разговоры и крики за стеной. Ребенку – мальчику или девочке? – должно быть, года три-четыре. Иногда мать поет вместе с радио и постоянно курит, из-под двери струится дым. У ребенка уже кашель заядлого курильщика.

Из квартиры с другой стороны не слышно ни звука.

Итак, он ждет. Двадцать четыре часа – ерунда. Большую часть времени Йоханссон занят очищением собственных мозгов, голова должна быть пустой. Главное – не думать о том, что может произойти. На такой работе лучше избавить себя от предположений и прогнозов, как все сложится. В девяти случаях из десяти все это окажется неверным. Он концентрируется на информации, предоставленной Карлой.

В Программе нет газоснабжения.

На территорию не подаются никакие воспламеняющиеся химические вещества.

Йоханссон пытается убедить себя, что не представляет, как могут развиваться события. Воображение, как и прогнозирование, большой недостаток.

Итак, он обдумывает данные, которые передала Карла. Но иногда в его голову закрадываются мысли и о ней самой.

Позвонив, чтобы договориться о встрече, она спросила прямо:

– У тебя есть мой адрес? Знаешь, где я живу? – Он ответил «да», потому что это было правдой, хотя ему не положено это знать. – Тогда приезжай.

Обычно Йоханссон отводил на подобные встречи два часа; в тот вечер их разговор продлился три.

Карла сама открыла дверь и провела его в гостиную – холодную, блеклую, огромную комнату, в которой его теперешнее жилье поместилось бы целиком и еще осталось место. В квартире больше никого не было, по крайней мере, он никого не увидел. Возможно, где-то рядом сидят охранники или тот шотландец, который отвечал по телефону. Этого ему никогда не узнать. Ясно лишь, что она хотела создать видимость того, что они вдвоем.

Они обошлись без любезностей, никакой светской беседы, никаких оснований предполагать, что он нечто большее, чем просто очередной клиент. Кроме, пожалуй, пары моментов, когда, читая документы, Йоханссон чувствовал, как Карла меряет расстояние между ними. Размышляла, как его преодолеть? Однако стоило ему закончить, как она принялась говорить о патрулях, словно они опять на складе, и она, невидимая, стоит за лучом света.

Он так много лет думал, в каком месте она могла бы жить. Представлял, как просыпается рядом с ней, мирно спящей в тихой, чистой комнате – безмятежное лицо, рассыпавшиеся по подушке волосы, медленное дыхание...

Это не твой мир. И никогда не будет твоим.

В 6:30 утра приходит Уитман, провожает его в туалет, а затем обратно в спальню – одеваться.

В кухне ему дают хлопья с молоком и чуть теплый чай. Он все съедает, и они уходят.

Полагается надеть на него наручники, но им нельзя привлекать внимание, поэтому Уитман долго объясняет, что ему грозит в случае побега.

На улице серое раннее утро. В соседней квартире работает радио, и женщина ему подпевает. Ребенок начинает играть, и она на него кричит. В другой квартире по-прежнему тихо: она пустая, или жильцы бодрствуют в другие часы.

У Райана Джексона есть отец, проживающий в маленьком городке в Ланкашире, но они не поддерживают отношений. С друзьями он тоже не общается. Вряд ли кто-то постарается помочь ему бежать. Тем не менее молодые парни провожают его до самой машины, внимательно оглядывая окрестности. Один из них открывает заднюю дверцу. Йоханссон садится первым, а человек рядом с ним.

Гражданские могут работать только с вооруженной охраной.

Бронированные автомобили патрулируют улицы, ими управляют с командного пункта.

Уитман и второй охранник садятся вперед, подает голос двигатель, и машина трогается с места.

Нельзя сказать, что это случится раньше, чем ты увидишь. Ты узнаешь, потому что все начнет умирать.

На другой стороне шоссе появился старый муниципальный дом: отбитые куски облицовки, неухоженные дорожки, облупившаяся краска, серые стальные ставни на окнах. На всем следы запустения. Вереница нескольких пытающихся выжить магазинов – подержанная мебель, парикмахерская, магазин товаров по одной цене, выставивший яркие пластмассовые изделия прямо на тротуаре, – хотя большинство существовавших здесь ранее уже закрыты. Сохранились еще карри-хаус и ветхий сарай, именуемый пабом, где подают дешевое пиво, а на большом экране можно посмотреть спортивные матчи. Хороший доход приносит лишь ресторан для автомобилистов на главной улице, продающий еду водителям, которые хотят поесть, но не хотят надолго останавливаться.

С эстакады виден небольшой еврейский технопарк как напоминание о безнадежном предприятии. Большинство рекламных щитов пустые, на стоянке лишь несколько машин.

Дорога поворачивает. Схемы Карлы не подвели.

Сначала показывается пустырь – огромная территория, предусмотренная под главные строения, которые так и не были возведены: полуразрушенные стены, поросшие сорняками.

Затем место для стоянки, склады. Все новое и чистое. Таблички указывают, где место приема посетителей, административные здания и столовая для персонала. На большом зеленом современном здании вывеска: «ВХОД». Рядом синее здание поменьше – Центр экстренной медицинской помощи. Рядом вертолетная площадка. Все это похоже на коммерческую недвижимость, место для некоего особенного бизнеса: контрольно-пропускные пункты на дорогах, желтые коробки часовых, красно-белые ограждения и множество камер, контролирующих каждый метр площади.

За зданиями виднеется огромных размеров стена.

Въезд расположен на возвышении, миновав его, машина скатывается по наклонному съезду.

Они притормаживают у первого пропускного пункта. Патрульный просит Уитмана изложить цель приезда, всматривается в сидящего на заднем сиденье Йоханссона, пролистывает бумаги и машет, позволяя ехать дальше. Машина останавливается у большого зеленого здания, и они выходят.

Следуя указателям, входят внутрь через стеклянные двери. За ними два охранника и металлоискатель. Стоит дверям разъехаться в стороны, как все внимание охраны приковывается к ним.

Уитман обращается к сопровождавшим их парням:

– Дальше я сам.

Йоханссон глубоко вдыхает, заполняя воздухом легкие. Адреналин подхлестывает кровь: внезапно мир кажется ярче и светлее. Вот и все.

– Можете изложить цель вашего приезда, мистер *Джексон*? – без доли иронии интересуется клерк за бронированным стеклом. Это мужчина средних лет, полноватый, с мягким, рыхлым лицом, похожим на кусок сырого теса. На пластиковой карточке сотрудника написано: «РЕГИСТРАЦИЯ ПРИБЫВАЮЩИХ». Он произносит слова нарочито медленно, словно привык иметь дело с умственно отсталыми людьми или теми, кто слабо владеет английским, у него прослеживается привычка интонационно выделять последнее слово в предложении.

На столе перед ним лежит досье Йоханссона для поступления в Программу.

– Хочу посмотреть, что это такое, – говорит Йоханссон, и Уитман фыркает.

Сотрудник недоуменно молчит. Определенно, он не встречался с людьми такого типа.

– Проверка условий заключения, – бормочет он себе под нос и делает пометку на бланке.

В помещении нет окон и пахнет синтетическим ковровым покрытием.

Процесс на этом этапе занимает час. Целый час стояния и сидения в этом кабинете и в коридоре – пока сотрудник пишет комментарии и консультируется по телефону. Все это время на лице Уитмана читается выражение иронического, но терпеливого отношения к происходящему: он выполняет свою работу и рано или поздно уедет отсюда. Если он и нервничал немного за документы, подготовленные Карлой, то не выразил этого ни одним движением. К Йоханссону он обращался короткими командными фразами – «Иди», «Сядь», – но почти не смотрел на него.

Йоханссон теперь Джексон, а Джексон ничтожество.

Наконец, клерк заканчивает просмотр документов и подсовывает бланк в щель под стеклом, чтобы Джексон все подписал: три подписи от имени Райана Джексона.

Когда Йоханссон заканчивает, клерк вновь обращается к нему:

– Рекомендую вам оставить все ценные вещи, прежде чем вы пройдете на территорию Программы. – И далее, кажется, самому себе: – Ценности имеют тенденцию сбивать с пути. – Затем, повернувшись к Уитману: – Как насчет ознакомления? Это видео...

– Думаю, пропустим, – поспешно отвечает тот. – Сам осмотрится.

Следующая комната. Снятие отпечатков пальцев и сканирование сетчатки глаза. Фотографии анфас и в профиль. Образцы крови и проба ДНК с внутренней поверхности щеки.

Уитман и человек с рыхлым лицом следуют за Йоханссоном.

– Загружаете эти данные в систему? – равнодушным голосом интересуется Уитман.

– Только для тех, кто поступает на постоянное пребывание.

Уитман коротко кивает.

Затем Йоханссону подают металлический ящик и велят вывернуть карманы, если, конечно, в них что-то есть.

Третья комната, вся отделанная кафелем: в ней раковина и гинекологическое кресло. Три надзирателя в форме с дубинками на поясе, один из них натягивает перчатки и подходит к Йоханссону.

– Вот ты и в зоопарке, – произносит он. – Рот открой. – Он просовывает в рот палец, резина поскрипывает, прикасаясь к эмали зубов. Йоханссон смотрит на правое ухо мужчины. – Закрывай.

После этого велит раздеваться и складывает одежду в пластиковый ящик, который его помощник выносит из помещения.

– И откуда ты к нам. – спрашивает «перчаточный».

– Викторвилл. – Йоханссон стоит, вытянув руки по швам, склонив голову, чтобы не смотреть в глаза. – Это в Америке, – добавляет он.

– Угу, – кивает мужчина, словно уже слышал об этом. – Тогда полный личный досмотр. Поворачивайся, ты знаешь, что делать.

Когда осмотр окончен, все выходят, оставляя Йоханссона ежиться под пронзительным взглядом камеры. Наконец, они возвращаются с его вещами, приказывают одеться и проводят к стойке, где его ждет Уитман. Рядом монитор, у которого скучает девушка с гладко причесанными каштановыми волосами. Надпись над ее головой гласит: «ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ С ОРУЖИЕМ И НАРКОТИКАМИ ЗАПРЕЩЕНО».

На экране датчик для проверки отпечатков пальцев и сканер сетчатки.

Не глядя на Йоханссона, девушка говорит:

– Пожалуйста, приложите руку и смотрите на экран.

Удовлетворившись результатом, она выдает ему пропуск – зеленую карточку, размером с кредитную, с чипом и его фотографией.

– Валюта?

Йоханссон косится на Уитмана, и тот спрашивает:

– Сколько ему положено?

– Сто.

– Тогда дайте сто.

Девушка переводит взгляд на монитор, набирает несколько паролей, и в металлический лоток высыпаются красные, синие и желтые жетоны. Девушка собирает их и протягивает Йоханссону. Они похожи на фишки из детской игры.

Девушка кладет перед ним карту. Синим маркером она помечает одно из зданий и рядом подписывает круглым детским почерком: «Гришэм, 24». На схему ложится пара ключей на колечке.

Он все еще разглядывает карту, когда слышит голос Уитмана:

– Ты получил что хотел. Теперь иди осмотришься. Позже поговорим. Дня через два. – Он кивает, разворачивается и уходит не обернувшись.

* * *

Йоханссона пропускают на территорию.

По периметру Программы возвышается огромная стена: двенадцать метров высотой с колючей проволокой. Впереди мрачные железные ворота с надписью наверху: «ЗАПАДНЫЙ ВХОД».

Рядом с воротами будка охранника: он не сводит глаз с экрана. Йоханссон проходит мимо, уловив краем глаза изображение на мониторе: ворота, будка, пустой коридор.

Охранник останавливает его:

– Имя?

– Райан Джексон.

Человек просматривает бумаги. Затем звучит та же заунывная фраза:

– Пожалуйста, приложите руку и смотрите на экран.

Йоханссон делает, как велели.

На экране вспыхивает зеленый огонек, и охранник произносит:

– Проходите.

Железные ворота впереди медленно открываются. Йоханссон проходит в белый коридор с бетонными стенами и полом, освещенный висящими на стенах лампами. Сверху на него смотрят две камеры. Через два метра поворот направо под прямым углом.

За спиной раздается лязг закрывающихся ворот, штыри входят в пазы. Поворот налево, направо, опять налево. Никаких посторонних шумов, лишь звук собственных шагов и собственное дыхание.

Еще поворот, вторая металлическая дверь. Камеры. Стены.

Тишина.

Проходит десять секунд, пятнадцать. Тишина.

Наконец, металлический лязг, дверь открывается.

Просторное пустое помещение. Две камеры, никакой мебели. Он один.

Надпись на шести языках сообщает: «ЖДИТЕ ЗДЕСЬ».

На противоположной стене дверь с надписью: «ВЫХОД».

Он пытается ее открыть и выходит на улицу.

От неожиданности моргает.

Сорок метров полосы отчуждения, за ней начинаются дома, а рядом высокая башня командного пункта, покрытого антеннами, как трехдневной щетиной. По левую и правую стороны внутренний периметр стены, изгибаясь, уходит вдаль, провода подмигивают в тусклом зимнем свете.

Не видно ни одного охранника.

Йоханссон смотрит на часы: 10:39.

Он пересекает полосу отчуждения и направляется в сторону командного пункта и зданий. Не пройдя и половины пути, понимает, что за ним следят.

На первый взгляд это одна из заурядных улиц на окраине Лондона. Обычные дома вдоль дороги с разбросанным кое-где мусором, за ними ряды магазинчиков и в самом конце торговый центр, будто оставшийся с семидесятых. Витрины некоторых магазинов, заведений залочены, но некоторые, похоже, процветают, хотя сложно представить, что там продают. Ему надо кое-что купить, но это может подождать. На противоположной стороне улицы паб, сейчас оттуда доносятся звуки драки. У входа стоят мужчины и переговариваются, не сводя глаз с улицы. Йоханссон отводит взгляд. Он хорошо изучил правила пребывания в этом месте. *Не привлекать внимания. Не выглядеть слабаком. Не нарушать границы пространства других. Не встречаться взглядом.*

Он идет дальше.

Мимо шаркал тапочками темнокожий парень, похожий на восьмидесятилетнего старика. Молодая женщина с бледным славянским лицом и темными глазами останавливается,

чтобы прикурить сигарету. Усталого вида белый мужчина тащит объемистый пакет... Обычные жители обычного города в обычный день. На первый взгляд они вовсе не выглядят какими-то особенными.

Мужчина в дверном проеме следующего дома оглядывает прохожих с бдительностью хищника. Его взгляд останавливается на Йоханссоне и, кажется, проникает внутрь; Йоханссон непроизвольно напрягается, пока не чувствует, что мужчина уже переключил свое внимание на другой объект.

Ни одной проехавшей машины или автобуса, ни одного пробежавшего ребенка.

И все же за ним следят. Ничего удивительного. Многим интересно, почему человек неожиданно решил прогуляться по такому месту в одиночку.

На углу Йоханссону попадается обнадеживающий знак частного предприятия – два киоска под пластиковой крышей. Здесь продают поношенную одежду и старую технику. Потрескивает радио, издавая резкие металлические звуки музыки. Мимо проходит молодая азиатка, в руках у нее связка проводов и пакет картошки – подбородок вздернут, движения быстрые, в глазах озабоченность важным делом. По улице проезжает патруль в военном «ленд-ровере».

Йоханссон доходит до перекрестка и видит еще один наблюдательный пункт, на этот раз больше и внушительнее первого. Он обнесен высокой стеной, увенчанной проволокой. Рядом еще один патрульный автомобиль. Впереди виднеются блоки трехэтажных жилых домов. Близко посаженные окна, фасады с проблескивающими за стеклом лестничными проемами. Однако Йоханссон поворачивает направо и движется на юг, к месту, обозначенному на карте синим крестом.

Оно оказывается совсем рядом, через квартал от перекрестка. Во дворе указанного дома даже посадили деревья, но большинство из них погибли. Из земли торчат лишь кусочки обрубленных стволов. Обозначенное на карте здание несколько раз перестраивалось и изменялось. Одно из окон на первом этаже заклеено лентой, в другом видны сломанные жалюзи.

На первом этаже средних лет женщина курит у стеклянной стены. Йоханссон показывает ей карту и ключи, но стоило ему начать объяснять, чего он хочет, как женщина резко его прерывает.

– Лестница, – говорит она и тычет пальцем вверх.

Зеленые стены лестничной клетки усеяны пятнами плесени. Таблички на втором этаже подсказывают, что нужно двигаться дальше по коридору, освещенному маломощной лампочкой. В комнате номер 24 одноместная кровать и стул. От кровати с подушкой в жирных пятнах исходит тошнотворный запах. Йоханссон подходит к окну, пытается открыть створку, и она поддается. Да уж. От этой пристройки до крыши первого этажа два с половиной метра. Своего рода выход, может пригодиться. Впрочем, охрана наверняка подумала об этом. За второй дверь – маленькая ванная комната: душ, грязный унитаз, треснутая раковина. Задвижка старая и бесполезная: одного удара кулаком достаточно, чтобы выбить запертую на нее дверь.

Йоханссон опускается на кровать. Из-за стены доносятся музыка и стоны.

Он ждет пятнадцать минут, но ничего не происходит. Йоханссон встает и возвращается на лестницу, проходит мимо курящей женщины и оказывается на улице. Оглядывается, пытается увидеть хвост. Никого.

Он идет обратно к центральному наблюдательному пункту, сворачивает направо и движется на восток, проходит ряд домов, отмечая галочками на воображаемой карте местные достопримечательности. Впереди показывается здание с вывеской: «ЦЕНТР РАЗВИТИЯ». У входа толпятся несколько мужчин, еще несколько лениво пинают мячик на пустой стоянке для машин.

Участникам Программы предоставляется возможность быть задействованными в проектах службы занятости, заниматься профессиональной подготовкой или обучением.

Плотные ряды магазинов, еще два стоящих у обочины патрульных автомобиля; на схеме Карлы это место называется «ЖЕНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ». Туда он не пойдет. Вместо этого надо повернуть на север, еще раз осмотреть дома и двигаться дальше. Около мечети толпились люди, стоящая же неподалеку часовня заколочена досками. За ней, к дверям белого здания, где располагается администрация, вниз по улице тянется вереница людей. Над улицей возвышается наблюдательный пункт, чуть поодаль стоит патрульная машина. Когда вспыхивает драка, охранники внимательно следят за ней, но не вмешиваются. Дерущихся пытаются разнять люди из толпы и прохожие – постоянные жители и гражданские служащие.

Ряды домов заканчиваются, Йоханссон вновь оказывается на полосе отчуждения, но на этот раз он поворачивает налево и следует вдоль ее изгибов. Над ним несколько камер, и одна из них со скрипом поворачивается, чтобы проследить за его движением. Йоханссон идет, не поднимая головы.

За ним все еще следят.

Через несколько минут он подходит к газону (грязь вперемешку с травой, скамейки прикручены к асфальтовым плитам), видит большое современное здание рядом со стеной и заходит внутрь.

Просторное помещение, похожее на склад, столы на несколько сотен человек, запах казармы, переваренной капусты, пота и дезинфицирующих средств. Это столовая. Над головой экран, на котором шевелит губами, глядя в камеру, певица в крошечном платье. Пухлые блестящие губы, кофейного цвета кожа туго обтягивает совершенное тело. Мужчины, сидящие за столами, подняли головы и неотрывно смотрят во все глаза на экран, забыв об остывающей еде. Во всей столовой всего несколько женщин.

Йоханссон встает в конец очереди. Следуя примеру стоящего впереди человека, он берет пластмассовую миску и ложку и ждет, пока подойдет его черед подставить миску под носик автомата и получить порцию коричневого, похожего на рвотные массы месива.

Он находит пустой стол со стулом, прикрученным к полу. Еда оказывается теплой и имеет соленый вкус.

В памяти возникает лицо улыбающейся женщины в сером костюме.

Она где-то здесь. Но на фотографии она определенно выглядит не так, как сейчас. Учтивая, что с ней должно было произойти, женщина не могла не измениться. Йоханссон пытается представить себе, какой она стала: тоньше, старше, менее ухоженная, закаленная этим жестоким местом или сломленная им.

Впервые с момента входа в Программу он задумывается о работе.

Существует определенный порядок действий. Установить местонахождение цели. Следить. Выяснить привычки. Узнать, в каких местах объект бывает, и найти среди них то, где можно выполнить работу, и скрыться.

Этот порядок действий не предполагает постоянной слежки. Считается, что ты найдешь возможность скрыться, раствориться в толпе – затеряться среди прохожих, покупателей, пассажиров. Сможешь стать попрошайкой, наркоманом, мусорщиком, выгребавшим баки, – кем-то невидимым, на кого не обращают внимания.

Как долго надо ждать, чтобы стать невидимым в этом месте? Месяц? Два? Пять?

У него есть три недели.

Кто-то рядом произносит задыхающимся голосом:

– Не возражаешь, приятель.

Он поднимает глаза и видит худое лицо, обрамленное тонкими прядями волос. Человек стоит, держа перед собой поднос.

– Не возражаешь, если я присяду? – Его взгляд лихорадочно скользит по залу столовой. Йоханссон молчит.

– Не возражаешь, значит, – говорит мужчина, садится и принимается за еду, сжимая ложку пальцами с обкусанными ногтями.

Через минуту он поднимает взгляд и нервно улыбается:

– Ты откуда?

Это не тот человек, что следил за ним. Для этого нужна выдержка и железные нервы, а у него этого нет. Но ему известно, что Йоханссон только что прибыл. Пославший его сообщил об этом.

Отказаться разговаривать? Какой в этом смысл?

– Викторвилл. Калифорния.

Мужчина криво усмехается:

– Калифорния, да? Не похож ты...

– Нет, не похож.

– Так почему ты здесь?

Кому это интересно? Скоро он это выяснит.

– Может, перееду. Может быть.

– Здесь лучше, верно?

– Да.

– Чем будешь сегодня заниматься?

– Хочу осмотреться.

Мужчина оживает:

– Ты прямо как на экскурсии.

Он заканчивает есть не более чем за две минуты, относит поднос на стойку и направляется к двери. Видимо, спешит доложить.

Человек ждет его у входа в столовую, сидит на одной из скамеек и наблюдает за дверями. У него тонкое лицо ангела. Увидев Йоханссона, он ослепительно улыбается – искренне и тепло, – встает и склоняет голову, указывая на пролет между двумя ближайшими зданиями. По дороге он оборачивается, проверяя, идет ли Йоханссон следом, и ободряюще улыбается.

Йоханссон ступает неуверенно.

У него есть выбор: пойти или остаться. Или даже убежать. Впрочем, бежать хорошо только в том случае, когда есть куда.

Он решает идти за мужчиной, ведь то, что сейчас произойдет, в любом случае неизбежно.

Сейчас только два часа дня, но в январе в это время свет уже тускнеет. Между зданиями пролегла полоска тени.

Человек ускоряет шаг. Теперь он идет метров на пять впереди.

– Давай помедленнее! – выкрикивает Йоханссон, но тот не останавливается и даже не оборачивается. Он проходит в зазор между зданиями. Йоханссон идет следом. В этот момент открывается незаметная дверь слева, другой человек с низко опущенной головой несет на него, размахивая кулаками.

Каким будет его удар, становится ясно задолго до того, как он замахивается. Сумев увернуться, Йоханссон отскакивает назад, затем сам бьет дважды и весьма точно. В какое-то мгновение он чувствует, что за его спиной возникла фигура, и бросает взгляд через плечо. Парень чуть за двадцать, рябое лицо, желтые волчьи зубы. Вскоре появляется и четвертый, тощий и мрачный, он также выходит из злополучной двери слева. Раскидать их и скорее выбираться отсюда? Но первый уже встает, приходя в себя после нанесенных ему ударов, а у тощего – может, это и девушка – в руке мелькает нож.

Вывернувшись вполборота, Йоханссон выбивает нож и валится на землю от удара сзади. Через секунду его уже тащат лицом вниз через дверной проем. Чьи-то руки опустошают кар-

маны. Они забирают его удостоверение личности. Голос над ухом – это светловолосый парень – произносит:

– Мистер Джексон, добро пожаловать в Программу.

На голову неожиданно натягивают мешок. Но ведь он уже видел их лица. Здесь что-то другое.

Ему связывают руки и ноги, затем рывком поднимают. Он с трудом втягивает воздух через ткань мешка, пахнувшего чужой слюной и кровью.

Тот же голос, что и раньше, приказывает:

– Следите за ним.

Открывается и хлопает дверь.

Йоханссон едва стоит на ногах, пытаясь внутренне сосредоточиться и оценить размер помещения и количество оставшихся охранять его людей.

Первый удар несильный, больше похож на пощечину. Потом еще и еще, с ними справиться сложнее. Люди находятся очень близко от него, они швыряют его друг другу и гогочут, отчего его обдает их зловонное дыхание, ощутимое даже сквозь мешок. Кто-то пинает его ногой, и он падает, что тоже вызывает смех и веселье, все по очереди начинают бить его ногами.

– Эй, поднимайте его, – произносит голос, и его тянут вверх и прислоняют к стене.

– Стой, гребаный кретин, усек? Урод.

Все опять громко смеются.

Йоханссон изо всех сил вжимается в стену, веревки впиваются в запястья.

Затем опять следуют пинки и затрецины, а потом удар такой силы, что Йоханссон падает на колени.

Рука сжимает мешок и наклоняет его голову набок.

Голос звучит около самого уха.

– Хочешь знать, что мы с тобой сделаем? – Губы незнакомца всего в паре сантиметров от его лица, отчетливо ощутим запах животного азарта и каких-то химических веществ. – Мы нассым на тебя, а потом найдем большую палку и отымеем тебя ею.

– Отымеем, – эхом отзывается незнакомый голос. Может, действительно девушка.

– Да. А потом обольем бензином и подожжем.

– Ты сгоришь, идиот, ты понял?

– Отымеем, – вновь разносится эхо.

Йоханссон уходит в себя. Его больше нет в комнате. Они говорят не с ним. Другому человеку придется терпеть удары, вставать, когда приказывают, падать и корчиться от ударов ногами.

Пощечины. Удары. Угрозы. Но существует предел, который они не перейдут, как бы ни хотели.

Потому что это еще не главное действие. Это лишь разминка.

Глава 2

День 7: вторник

КАРЛА

Вторник, 2:05 ночи. Йоханссон уже в Программе. Утром звонил Уитман и все мне рассказал.

- Они должны были звонить несколько раз.
- Разумеется.

Мы все отслеживаем: заметки на столах в министерстве внутренних дел, министерстве юстиции, Управлении тюрем и еще звонок из Штатов: немолодой и занятой человек, для него время – деньги. Информация, им предоставленная, может иметь решающее значение... *ваше сотрудничество очень ценно... одобрено на самом высоком уровне... к вам относятся со всей серьезностью... необходима полная свобода действий.* Самое сложное – понять, кто кому позвонит и какие вопросы будет задавать, и знать, что ответы будут даны своевременно и легко, к всеобщему удовлетворению. И каждый человек в этой цепи проверок чувствует, что не может быть привлечен к ответственности: сколько бы грязи потом ни всплыло, это их не коснется. Все, что они могут сказать, – это, что они *выполняли свою работу, следовали инструкциям, это не их прокол, а кого-то другого.*

- Они знают, что все это временно? – интересуюсь я.
- И что он выйдет через сорок восемь часов.
- А если ему понадобится покинуть территорию раньше?...

Уитман вздыхает:

- Я всегда на телефоне. Скорее всего, проблемы у него возникнут.
- Место вполне надежное, – парирую я.
- И все же вы хотите, чтобы я был настороже.
- Разумеется.

Уитман опять вздыхает. Я жду.

Наконец, он говорит:

– Каждый наш с ним контакт портит его репутацию. Я привез его, и я увезу. Люди будут болтать. Вы знаете, они уже болтают. Возникнут вопросы обо мне, но это полбеды, но ведь не только обо мне. Да, я понимаю, вы делаете все, чтобы Вашингтон был не в курсе, хотите сохранить тайну, пока не будете вынуждены...

Опять Вашингтон. А Уитман знает, как работает Вашингтон, знает, где скрыты риски, откуда ждать нападения.

- У нас три недели, – напоминаю я.
- В идеале. Может, все закончится и раньше. Даже если нет...

Йоханссон уже выйдет оттуда, будем надеяться.

- Я же сказала, мы все отслеживаем.
- И будете согласовывать с ними, если придется?
- Вы же знаете, что да. – Еще одна гнетущая пауза, но уже другой ритм молчания, скептицизм Уитмана струится по проводам. – Обещаю, Майк. – Интересно, он уловил, что это ложь?

Но он не задал вопрос: зачем мне понадобилось помещать человека в Программу? Он не желает это знать.

Итак, Уитман недоволен; впрочем, я тоже, хотя причины у нас разные.

Я думала об отсрочке. До сих пор нет никаких данных об объекте, идет поиск информации. Финн так и не прислал мне документы по заключенным, и эта дыра в деле меня беспокоит. Мы должны были заделать ее еще много дней назад. Йоханссон сказал, что это не важно, и это правда, для него это не имеет значения. Он просто разведает обстановку. Кроме того, это его объект, а не мой. Я сама позволила ему идти туда, и все, что мне остается, – это только ждать.

Этим я и занималась в тот момент, когда в фойе моего дома появляется Крейги. Его фигура в привычном темно-сером пальто видна на экране, расположенном в кабинете, в руках чемодан, узкое лицо чуть повернуто в другую от камеры сторону.

Я впускаю его.

– Могу предложить тебе выпить.

– Чая будет достаточно.

В кабинете я держу три бутылки виски; Крейги ни разу не попробовал ни одно из них. Предполагаю, что смаковать виски, как и смотреть порно, – дело достаточно интимное для одинокого мужчины.

Когда я возвращаюсь из кухни, он стоит у окна. На горизонте садится зимнее солнце. Башни домов на юге похожи на огромные зеркала, с другой стороны вдоль берегов с невысокими постройками извивается Темза, похожая на отполированную оловянную змейку. Однако Крейги не любит вид; он внимательно вглядывается в док под окном. С высоты сорок второго этажа люди кажутся не больше спичечного коробка. Сильные порывы ветра рвут на них одежду, изламывают гладкую поверхность воды. Крейги невольно склоняется к ним. Сейчас он похож на серый вопросительный знак.

Протягиваю ему чашку.

– Человек, которого они вернули, есть в списках Лейдлоу. Мы узнали его имя.

Лейдлоу мертв. Он мертв, и это должно стать для меня шоком. Он был стар, он прожил жизнь, он сам сделал выбор, возможно, его время пришло. Миновало пятьдесят девять часов с того момента, как я узнала об этом, но возникшее сразу напряжение так и не ослабло.

Мы познакомились благодаря истории, рассказанной мне одним осведомителем в криминальном мире, связанной с планировавшимися в больнице взрывами и женщиной по имени Эйлин. Я заинтересовалась этой историей, и чем больше в ней копалась, тем больше начинала нервничать, как и поведавший ее человек. Мы все видели эти кадры: лондонский автобус, с которого из-за взрыва слетает крыша, превращающийся в пыль небоскреб. Такие моменты нет желания вспоминать, но еще тяжелее, если вы знаете, что могли это предотвратить, но не сделали.

Я выбрала Питера Лейдлоу для передачи имеющейся у меня информации.

Он работал с агентами до самого конца холодной войны. Спокойный, серьезный, умеющий хранить секреты, осторожный, избегающий ошибок, он входил в узкий круг людей, работавших с Гордиевским, имел контакты в бывшем подразделении К-3 в МИ-5 и продолжил деятельность, когда Стена пала и русские на время стали нашими лучшими друзьями. К тому моменту, как пакет от меня лег на коврик у его двери, он уже долгое время был в отставке, читал книги, потягивал теплое пиво в темных пабах, занимался садом и скучал.

Я выбрала его за аккуратность, осторожность, упорство и умение добиваться цели – я знала, он не успокоится, пока не добьется встречи с тем человеком, который отнесется к моему посланию серьезно.

Кроме того, этот выбор был сделан еще и потому, что любой человек, пытающийся меня найти, обратится в сторону Советов, будет копаться в старых контактах Лейдлоу и никогда не подумает обо мне.

Тогда я полагала, что контакт с Лейдлоу будет единичным, у меня не было никакого желания становиться его постоянным источником информации. Спустя девять месяцев и четыре контакта между нами возникла своего рода дружба, или, пожалуй, привычка общаться. Возможно, это облегчало мою совесть. Хотя, скорее всего, я хотела иметь возможность позвонить ему с просьбой об одолжении, если сотрудники спецслужб когда-нибудь постучатся в мою дверь.

Я была уверена, что Питер Лейдлоу не разделял моих взглядов. Он всю жизнь служил своей стране, в конце жизни поздно меняться. Но он был человеком Москвы, с засевшими в душе подозрениями. Когда МИ-5 прослушивала его разговоры и следила за ним, ему это нравилось не больше, чем мне. Мне было приятно думать, что мы ведем каждый свою игру – это было осторожное партнерство, негласный договор между двумя людьми, не доверявшими друг другу, но имевшими одного противника: того самого, которому мы старались помочь.

Но в конце концов он меня обманул. Я даже не представляла, что он болен.

* * *

– Пауэлл, – сказал Крейги. – Его зовут Лукас Пауэлл.

Имя мне ни о чем не говорит. Должно быть, Крейги это понял.

– Работал в Вашингтоне. Его специально вернули. Ты получила снимки?

Высокий, темноволосый, красивые скулы, отличный костюм. Офицерская выправка. Я киваю.

– Что мы знаем?

– Он не Лейдлоу, – сухо произносит Крейги.

– Какой сюрприз!

Второго Лейдлоу не существует. Он был последним из профессионалов старой закалки.

– Итак, расскажи мне о Пауэлле.

– Прямолинейный, как смерть. Образован, быстро продвигался по карьерной лестнице, амбициозен. – Крейги мрачнеет.

– Спецагент?

– Конечно.

Самый секретный отдел – бывшие МИ-5, МИ-6, бывшее спецподразделение, не входящее в состав ни одной из этих спецслужб. Они действуют изолированно в условиях полной секретности, имеют доступ к документам, закрытым для большинства служб безопасности и разведки, совершенно неподкупны. Неудивительно, что Крейги потребовалось так много времени, чтобы установить имя.

– Удалось прослушать?

– Сказал, что приехал вычистить авгиевы конюшни.

– Он так сказал?

– Я так слышал. Очевидно, слишком воспитан, чтобы употреблять слово «дерьмо».

– Считает себя Геркулесом? Оксфорд или Кембридж?

– Кембридж. Сначала. Затем прямоком в Службу. – Пауза. – Он ищет Нокса.

– Разумеется, он ищет Нокса. Пауэлл сам признался. Он здесь, чтобы навести порядок. Разобраться, просмотреть бумаги, написать отчет. Такие люди не любят оставаться в неведении по поводу своей собственной деятельности.

Крейги качает головой:

– Двадцать две ценные наводки за пять лет.

– И все ведут в никуда?

– Не все. Ты сама стала призом в гонке, Карла. И Лукас Пауэлл спешит его получить. Он охотится на тебя. Он будет носом землю рыть. Разложит по полочкам прошлое Лейдлоу, пока не найдет тебя.

– Удачи ему в нелегком труде. Моих следов нет в прошлом Лейдлоу. В этом все и дело. Лицо Крейги – непроницаемая маска.

– Нам неизвестно, какие документы сохранил Лейдлоу.

– Он был человеком старой школы. Такие люди не делают записей.

– Ты уверена? – не успокаивается Крейги. – Он был стар. Память уже не та. – Молчание. – Что с квартирой в Илинге?

Она принадлежала Лейдлоу и была оформлена на другое имя. Он редко пользовался ею для личных целей.

– Пауэлл до нее уже добрался?

– Еще нет.

– Тогда давай установим за ней наблюдение.

Фраза звучит слишком пренебрежительно по отношению к Крейги.

– Тебя это не беспокоит?

– Если бы Лейдлоу знал, кто я, он сам бы меня нашел. Крейги, мы уничтожили *все* следы.

Двадцать два контакта за пять лет и ни одного прокола. Звонки всегда с новых телефонов, одноразовые номера. Товары и услуги оплачены карточками, зарегистрированными подставными компаниями. Портфель в баре, никаких отпечатков. Однажды мы даже отправили информацию в коробке из-под обуви, заказанной по телефону и отправленной по почте. Так работали мы с Лейдлоу, потому что он был человеком старой школы: я могла обратиться только к нему, что доказывает, что сама принадлежала к той же школе. Крейги терпеть это не мог. Но движение было односторонним. Лейдлоу никогда сам со мной не связывался. Мы сразу об этом договорились.

Взгляд Крейги говорит мне, что он этому не верит.

Возникшая пауза затягивается. Над городом собираются серые, удушливые облака, отяжелевшие от дождевой воды. Цвет Темзы уже не оловянный, а свинцовый.

– А Саймон Йоханссон? – спрашивает наконец Крейги.

– С сегодняшнего утра в Программе.

Губы Крейги сжимаются, но он не произносит ни слова, а вскоре поспешно уходит.

В 15:15 на экране появляется значок, сообщающий, что Финн в Сети. Наконец-то.

Финн предоставляет для чтения копии личных дел участников Программы с правительственного сервера. Имена, номера, судимости, психологические портреты, данные анализа ДНК. И фотографии.

Мы опять в деле.

Я уже подготовила уменьшенное изображение объекта, чтобы загрузить в программу: для компьютера оно лишь один из вариантов сравнения. Теперь все, что мне нужно, – это найти совпавший вариант. В любую минуту может стать известно, кто же эта женщина. На экране начинается обратный отсчет, я встаю и возвращаюсь в гостиную. Под моей квартирой еще сорок один этаж, внизу люди прячутся от январского ветра, пытаются прикурить сигареты. По металлическому мосту спешат прохожие; малыши гоняют голубей. За стеклянными панелями зданий люди зарабатывают деньги. Все пространство к западу, в сторону Сити, заполняет небо.

Я возвращаюсь в кабинет. Программа уже закончила работу. Вердикт ее прямо передо мной на экране. Совпадений не найдено.

Должно быть, в программе сбой. Повторяю операцию. Обратный отсчет. Готово. Вновь открываю файл с фото и нажимаю «Сравнить». На этот раз я остаюсь на месте.

Совпадений не найдено.

Внутри появляется ледяной ком.

Но есть еще один список: умерших заключенных. Повторяю процедуру сначала.

Совпадений не найдено. Этой женщины нет среди участников Программы. Но существует и другое объяснение. Может, ее переводят из одного места заключения в другое, и ее данные застряли где-то в виртуальных проводах.

А может быть, такого человека просто не существует, фотография была создана лишь для того, чтобы придумать работу, которая никому не нужна.

Я быстро печатаю, обращаясь к Финну:

«СРОЧНО найти женщину в тюремных архивах. В списках Программы не значится. Поищи в других местах. Также проверь списки переводимых с места на место, включая те, что для внутреннего пользования».

Прикрепляю фотографию.

Пауза, затем привычный ответ: «Сообщу».

На этот раз он меня радует.

Звоню Филдингу. Раздается седьмой, восьмой гудок, только после этого он отвечает.

Услышав мой голос, Филдинг фыркает.

– Ее нет в списках, – говорю я, не дожидаясь его колких замечаний. – Ты говорил, что клиент надежный. Так значит, это ты лжешь? Или они?

Несколько секунд молчания, которое мне совсем не нравится, но Филдинг все же отвечает:

– Она там.

– Ее нет в списках.

– Она там.

– Ошибаешься, Филдинг. Кто твой клиент? Он, случайно, не собирается бороться с Джоном Кийаном?

Филдинг не отвечает и отсоединяется.

На часах 15:46. Через два с небольшим часа ворота Программы закроются, и она неофициально замрет на время. Набираю номер Уитмана.

– Похоже, у нас проблемы. Мне надо, чтобы ты вытащил того парня из Программы.

Уитман отвечает не сразу:

– Лора, он там, только...

– *Срочно*, Майк. *Срочно*.

Вот уже четыре часа дня. 16:15, 16:30. На все требуется время. Меряю шагами нескончаемые просторы своей квартиры. Сажу на диване. Готовлю кофе, понимаю, что не хочу его пить и выливаю. За окном начинает темнеть. На улицах загораются фонари. Уитман не звонит.

Возможно, эта женщина вовсе не заключенная. Она может быть волонтером, работать, например, в охране.

«Финн, проверь данные на всех в Программе. Волонтеры, охрана».

Сколько же еще ждать?

Пять часов. Под окном появился ручеек служащих, направляющихся домой. Темные людские фигуры сливаются в один поток, как железные опилки, притягиваемые магнитом.

Уитман так и не перезвонил.

Стою у окна, стараясь думать только о разбросанных по Доклендсу огнях, но электронное напоминание о времени пульсирует на самом краю моего зрения, видимый в щелчке циферблат на запястье давит на руку.

17:30, 17:45. Уитман не звонит. Видимо, у него времени в обрез, вот и все.

17:58, 17:59, 18:00. Ворота закрылись. Может, Йоханссон в этот момент выходит: сидит в пустой комнате, пока проверяют его документы. Каждую минуту Уитман может позвонить и сообщить, что они покинули Программу – в любую минуту.

Звонок, я хватаю трубку.

– Лора, – произносит Уитман.

По голосу я уже понимаю, что он скажет: Йоханссона не нашли.

– Они проверили в комнате. Его там нет. – И затем, с едва уловимой обидой, словно я каким-то образом – случайно – могу считать это его просчетом: – Они не могут следить за каждым заключенным постоянно, верно? Они видели, как он пошел в столовую. Следующее наблюдение завтра утром.

Завтра может быть поздно.

– Лора? – напряженно произносит Уитман.

Он лишь хочет узнать, в чем проблема, а я не могу ему рассказать.

– Значит, завтра утром, – говорю я и кладу трубку.

Сердце разрывает тревога. Надо сдержаться. Йоханссон тренированный боец. Он знает, как выжить на территории противника и остаться незамеченным в течение нескольких дней. Одна ночь в Программе для него ерунда. Где бы он ни был, чтобы ни произошло, тебе известно, что он справится лучше, чем кто-либо иной.

А женщина? Объект, которого даже нет в списках. Что это значит? Совпадение?

Произожди это с кем-то другим – посторонним, – мои страхи были бы иного рода, мысли шли бы иным чередом. Допустим, Йоханссон подъехал на машине к воротам – *Сюда, мистер Джексон* – и покинул бы Программу. Я бы продолжила поиск: сотрудники полиции, разведки, даже офшорных учреждений – высокоценный заключенный мог быть раньше одним из них. Интересно, как многому научили Йоханссона во время подготовки для службы в спецподразделении? Вопросы полиции, скорее всего, не будут представлять для него проблему, но ведь сейчас могут быть задействованы те люди, что его обучали, только цель у них иная. Какие методы они будут использовать по прошествии стольких лет? Насколько они усовершенствовали свои техники? На каком уровне его квалификация, сколько времени потребуется, чтобы он сломался, и как скоро они выйдут на меня?

Но этот человек не посторонний; это Саймон Йоханссон, и он сейчас в Программе.

Четверо, из находившихся в комнате с Терри Канлиффом, мертвы. Кийан искал остальных. Но нашел троих. Йоханссона он не смог обнаружить. Возможно, до настоящего времени.

Глава 3

День 7: вторник

ЙОХАНССОН

Он лежит на полу, открывается дверь. Могло пройти и несколько минут, и несколько часов, сложно сказать точно. Знакомая команда, и его ставят на ноги, по-прежнему связанного и с мешком на голове.

Острая боль в затылке, металлический привкус во рту.

Его заставляют идти.

В открытую дверь. В темноте мелькают электрические огни, различные даже сквозь ткань. Значит, наступила ночь. Бессмысленно пытаться запомнить дорогу, слишком много поворотов. Редкие остановки, приглушенный разговор. Они не спешат. Иногда он спотыкается, и его рывком поднимают.

Наконец, они останавливаются. Где-то рядом в воздухе потрескивают разряды тока. Железные ворота разблокированы и со скрежетом разъезжаются и снова закрываются, стоит им пройти.

Поддерживаемый за локти, Йоханссон вынужден прибавить шагу, чтобы успевать за конвоирами. Опять остановка. Удаляющиеся шаги. Впереди поскрипывают дверные петли, открываются и закрываются створки. Ожидание. Долгое? Четыре, пять минут? Он стоит, покачиваясь и прислушиваясь к отдаленным звукам разговора, но расстояние слишком велико. Он не разбирает слов. Его проводят через дверной проем, и воздух становится другим: они вошли в помещение.

Стук шагов по бетонному полу. Йоханссон спотыкается и падает лицом вниз, щиколотки подсакивают на ступеньках. Его подхватывают чьи-то руки и волокут вперед. Поворот. Коридор. Дверь. Его тащат дальше.

Звуки шагов заглушает ковровое покрытие. Запахи становятся другими. Домашними, чистыми. Пахнет едой и средством для полировки мебели.

Тепло. Тихо. Вдалеке работает телевизор.

Его заставляют сесть и стягивают мешок.

Йоханссон моргает, стараясь скорее привыкнуть к свету.

Он в идеально чистой старомодной гостиной. Картины на библейские сюжеты на стенах: Мадонна в голубом платье с поднятой для благословления рукой, истерзанное тело юного святого с возведенными к небу глазами, кровоточащие раны похожи на маленькие приоткрытые рты. Под картинами жардиньерка с комнатными растениями. Сервант красного дерева, лучи света падают на прекрасные образцы китайского фарфора: супницы, блюда, соусники. В стороне арка, ведущая в кухню: угол блестящей столешницы, кружки, развешанные на деревянной подставке-дереве.

У другой стены телевизор: в комедийном сериале произнесенные низкими голосами диалоги перемежаются закадровыми взрывами хохота.

В кресле сидит человек, похожий на мумию, и смотрит на экран.

Так будет всегда, верно? Всегда.

Проходит минута, и Джон Кийан произносит:

– Добро пожаловать в Программу, мистер Джексон. – Голос его тих и спокоен. Лицо скучающего обывателя. Глаз от экрана он не отрывает. – Как вам наш небольшой социальный эксперимент?

Блондин улыбается и занимает место рядом с креслом Кийана. Он оглядывает Йоханссона, склонив набок голову, и продолжает улыбаться. Йоханссон молчит.

– Ты знаешь, кто мы? – спрашивает Кийан.

Что-то застрекает у Йоханссона в горле. Он делает над собой усилие и выдает слова по очереди:

– Ты... здесь... главный.

Только сейчас Кийан поворачивает голову, чтобы посмотреть на Йоханссона. Глаза его такого светлого голубого цвета, что кажутся водянистыми, белки налиты кровью, словно у него проблемы с глазами.

– Меня зовут Джон Кийан. Вам это о чем-то говорит?

Три человека убиты, один в карьере, два в машине, всех троих жестоко пытали. Он до сих пор помнит их лица.

– Да. – Голос срывается.

Уголок рта Кийана удовлетворенно дергается.

– Мы здесь закон, – продолжает Кийан, словно Йоханссон не произнес ни слова, – и ты на нашей территории. Под нашей ю-рис-дик-ци-ей. Моя обязанность, – он наклоняется вперед, – поддерживать здесь порядок. – Он откидывается в кресле с видом человека, сказавшего главное. – Думаете, это легко, мистер Джексон?

Йоханссон молчит. Кийан переводит взгляд на экран.

– Управлять насильниками, наркоманами, больными... Надо быть твердым, как вы понимаете. И очень важно показывать пример, когда необходимо.

За кадром раздается смех, резкий механический звук.

– Итак, вы из Америки. – Кийан улыбается, глядя в телевизор, хотя кожа его так туго натянута, что, должно быть, это дается ему с трудом.

– Викторвилл, – говорит Йоханссон. И в легких вспыхивает пламя.

– Незнаком с этим местом. И *не хочу*. – Взгляд Кийана блуждает по комнате и останавливается на Йоханссоне. – Что же привело вас сюда?

– Просил о переводе.

– А, это как в *футболе*, – ухмыляется Кийан. – Подумали, здесь будет *лучше*?

– Я слышал об этом месте... я думал...

– Думали, что жизнь здесь проще, мистер Джексон? За что попали в *Викторвилл*?

Название пронзает мозг.

Он не знает, кто я.

– Двойное убийство. Пожизненное.

– Предполагается, что это пожизненное в Штатах, верно? С какой стати они удовлетворили вашу просьбу? По доброте душевной? – Резонный вопрос. – Что вы им предложили взамен, мистер Джексон?

Он не специально заманил тебя сюда, это не месть. Он не знает.

Теплой волной пробежало облегчение.

– Они думают, у меня есть информация.

– А она у вас есть?

– Они так думают.

– Сдали друзей ради легкой жизни в Программе? Что ж, такое случается не впервые. Или тут что-то другое?

– Я только хотел...

– Попасть сюда. Попасть сюда и не высовываться, как все остальные. Знаешь, в чем проблема? Я тебе не верю, потому что не знаю, кто ты такой.

– Меня зовут...

– Райан Джексон, как ты говоришь, отбываешь пожизненное в Викторвилле за двойное убийство. Но здесь никто не знает Викторвилла, не знает людей, которые могут поручиться за тебя. – Кийан делает паузу и продолжает: – Вы умный человек, мистер Джексон? Надеюсь, что да. Какой умный человек придет в место, подобное этому, и начнет рассказывать, что сдал своих друзей? Зачем признаваться в этом? Смысл есть лишь в том случае, если это легенда. Или вы были уверены, что вам поверят? Здесь так дела не делают.

– Спросите охрану. Меня оформляли. У них бумаги.

– Охрану? – На мгновение в глазах Кийана мелькает удовлетворение. – О нет, нет, мистер Джексон. Здесь мы по-другому проверяем факты. – Он переводит взгляд на экран. – Мистер Брайс.

Допрос окончен.

Улыбающийся блондин выходит вперед.

Крупница надежды в душе Йоханссона растворяется в воде.

– Мистер Брайс обо всем позаботится.

Обратный путь, спотыкаясь, через пожарный выход.

Обратно по ступенькам, вниз. Верно, пустынный коридор, выход на улицу через открытую дверь.

Он в комнате, о которой думал все это время. Мебель отсутствует. Бетонные стены. Единственное крошечное окно под самым потолком. Пол в темно-багровых пятнах.

Светловолосый Брайс ходит туда-сюда, поглядывая вниз на Йоханссона.

Губы растянуты в улыбке с оттенком сожаления.

– Ты ведь понимаешь, что мы вынуждены сделать?

Йоханссон молчит.

Его заставляют встать на колени и поворачивают лицом к стене. Удар по почкам, и он падает на пол. Удар ногой в живот заставляет скрючиться, хватать ртом воздух.

Над ним склоняется Брайс. Взгляд его пылливый и сосредоточенный.

– Надеюсь, ты схватываешь все на лету, мистер Джексон. – Он говорит это так, словно искренне в это верит. – Ради твоего же блага.

Брайс отступает назад и делает знак своим людям.

– Если сможешь.

Йоханссона бьют кулаками и ногами, он падает, его ставят на прежнее место. Через двадцать секунд все прекращается, и они отходят в сторону. Он лежит на полу, на этот раз у него нет сил даже пошевелиться.

Брайс вновь выходит вперед. Носок его ботинка в нескольких сантиметрах от глаз Йоханссона.

Он приседает и проводит пальцем по его лицу.

– Не понимаешь, значит, – произносит он. – Скажи мне, кто ты на самом деле?

Йоханссон сглатывает. Надо придерживаться легенды или молчать.

– Я уже сказал.

Брайс встает.

– Что ж, извини.

Йоханссон старается поставить блок, закрыться. Ему надо выдержать. На этом необходимо сосредоточиться. Больше он ничего не сможет сделать.

Они уходят, а он остается лежать в грязи, пытаясь вздохнуть.

Каким-то образом ему удается заснуть, сон прерывистый, фрагментарный – может, это и не сон, потому что он продолжает слышать голоса, скрип дверей, остальные шумы.

В моменты между сном и явью перед глазами предстает лицо с фотографии: женщина в сером костюме с улыбкой смотрит на него. Йоханссон пытается отмахнуться от нее, но ее изображение всплывает вновь, как лицо утопленника, скрытое водами реки.

Шаги в коридоре заставляют проснуться в поту. Во рту отвратительный привкус, его мутит, каждая мышца нестерпимо ноет.

Отпираются засовы. Полоска света на полу – дверь открылась.

Металлический предмет ударяется об пол.

Йоханссон пытается собраться. В любую минуту все может начаться сначала. Он должен быть готов.

Свет приближается и становится нестерпимо ярким. Около него, склонив голову, приседает Брайс.

– Говоришь, все это ошибка? – произносит он. Люди стоят за ним молча и смотрят.

Йоханссон не шевелится. Любое движение лишь спровоцирует их. Они тащат его вверх, заставляя встать, и он сжимается изо всех сил, чтобы не чувствовать боль.

Очередное избиение? Но парень с желтыми зубами держит в руках трубку с воронкой, а в ведре на полу что-то отвратительно смердит.

Не стоит сопротивляться. Лучше расслабиться. В этом случае ему будет легче.

Но когда они запрокидывают ему голову, открывают рот, животные инстинкты берут свое, он сопротивляется, пытаясь вырваться, не обращая внимания на боль в спине, в плечах, в ребрах.

Трубка проникает в горло.

Они заканчивают, берут ведро, трубку и воронку. Выключают свет и уходят. Лязг замков, и помещение погружается в темноту.

Он лежит на полу в луже собственных рвотных масс. Ночь маячит впереди, как испытание на прочность.

Глава 4

День 7: вторник

КАРЛА

Опять звоню Филдингу. Я не могу иначе.

– Твой человек пропал в Программе.

Пауза. Нечитаемое молчание. Я продолжаю:

– Сообщи имя клиента.

– Отстань, Карла.

– Йоханссон пропал, объекта на территории нет.

– Я говорил с клиентом. Она там.

– Ее там нет.

– Есть.

– Кто они?

Снова пауза. На этот раз он обдумывает, как много стоит мне рассказывать.

– Филдинг, ты сказал, у клиента рекомендации.

– Он не имеет отношения к Джону Кийану, – отвечает тот ледяным тоном.

– Откуда он?

– Гражданский. – Рядовой гражданин, обычный член общества. По крайней мере, старается таким быть. – Карла, у них есть основания.

– Какие? – перебиваю я. – Что она сделала? В новостях ничего не было. Ее имя, Филдинг.

– И не мечтай. Она точно там, – добавляет он. – С ним все будет хорошо. С ним всегда все хорошо.

Это благодаря мне с ним все было хорошо, потому что я всегда проверяла, чтобы у него были точные данные. Кроме последнего дела.

Я перечисляю про себя все меры безопасности, которые предприняла для Йоханссона. Видимо, это успокаивает меня и придает уверенности. Мы стерли всю информацию о нем, полностью поменяли личные данные. Никто не сможет выяснить, что он не Райан Джексон, ведь Чарли Росс мертв. Джону Кийану неоткуда получить информацию, кто Йоханссон на самом деле, у него не будет повода тащить его в дом на ферме.

Бессмысленно. Бессмысленно себе это объяснять. Если Джон Кийан все знает, мои умозаключения не имеют значения. Важно только то, что будет потом. И что происходит сейчас.

В восемь часов вечера от Финна приходят последние отчеты об анализе личных дел. Никаких следов этой женщины в системе исправительных учреждений.

Затем, лишь стрелки часов миновали цифру 10, Финн получает доступ к списку волонтеров, работающих в Программе. Их немного. Искомой женщины среди них нет.

Мне остается хвататься за соломинку.

– Проверь весь персонал, охрану.

– Уже сделано, – отвечает Финн.

Жалюзи на окнах подняты, электрическая подсветка освещает опустевшие офисные здания. Небо к востоку от Сити становится черным с желтыми разводами.

Ее нет в списках Программы. Нет в документах других тюрем. Она не волонтер, не гражданский персонал и не охранник. Что все это значит?

Звоню Крейги и сообщаю, что узнала.

– Я сейчас приеду, – поспешно отвечает он, и я понимаю, что он думает о Джоне Кийане. В его голове, как и в моей, возникает единственный возможный сценарий: это ловушка спецслужб, Йоханссона пытали и медленно перебирали имена, пытаюсь выяснить, что ему обо мне известно, как со мной связаться, возможно ли за мной проследить.

Крейги думает о том, что у нас все же еще есть время, чтобы уничтожить жесткие диски, стереть информацию и следы существования Карлы и Шарлотты Элтон. Если у нас не будет другого выхода. С этим не поспоришь. Женщины с фотографии нет в Программе. Йоханссон знает, кто я, и он в ловушке. Внезапно картины в моем воображении делают сальто. Женщина на фотографии...

Первое, о чем заводит разговор Крейги, – «минимизация ущерба».

Я знаю, что он скажет: я должна уйти немедленно, в течение часа, и дать слово, что никогда не вернусь. Но я этого не сделаю по одной причине. По одной.

Если бы я хотела подстроить ловушку Йоханссону, я понимала бы, что он может все проверить, и действовала бы наверняка. Я бы использовала настоящего заключенного.

Глава 5

День 8: среда

ЙОХАНССОН

Когда открывается дверь, он не может сообразить, который сейчас час. Щелкает выключатель, поток света приближается и больно давит на сетчатку глаза.

– Вставай, – произносит незнакомый голос.

Йоханссона рвало всю ночь, и он настолько ослаб, что человеку приходится поднимать его на ноги.

На улице светло. Небо кажется желтовато-белым с серыми разводами, отчего становится похожим на мраморную плиту.

Его то заставляют идти, то волокут в узкий дворик, окруженный стенами без камер. Слепая зона. Их никто не видит.

Первый, кого он замечает, – Кийан, сидящий в раскладном кресле. Закутанный в теплое пальто, он похож на больного, вышедшего подышать воздухом. Взгляд бесстрастно скользит по Йоханссону.

Брайс стоит рядом с его креслом так, чтобы не быть в поле зрения босса. Стену подпирает бейсбольная бита.

Горло Йоханссона сжимается от воспоминания о трубке в пищеводе, и его начинает рвать.

Дюжина мужчин, собравшихся во дворе, равнодушно смотрят.

– Мистер... Джексон, – произносит Кийан.

Красный шарф, которым подвязан воротник его пальто, режет глаз в этот сумрачный зимний день.

Йоханссону приходится сделать над собой усилие, чтобы сконцентрироваться. Собрать все фрагменты картинки перед глазами воедино и не отключиться.

– Так, значит, это правда, – продолжает Кийан. – Вы сдали друзей ради места в Программе. – На его лице появляется та улыбка, от которой кожа Кийана, кажется, может лопнуть. – Мне это нравится. Люблю знать, каковы приоритеты у каждого человека. Вы готовы сделать все, чтобы остаться здесь, не так ли?

Все что угодно. Йоханссон произносит слова, но изо рта вылетают квакающие звуки. Он замолкает и с трудом сглатывает.

– И это нам тоже надо проверить. – Кийан поворачивает голову и бросает через плечо: – Брайс?

Тот делает шаг вперед, и улыбка Кийана становится еще шире.

– Мистер Джексон, хочу представить вам своего друга. Джимми?

Тот подходит: шустрый, с птичьим лицом, лет сорока. У него нервная, живая улыбка и странная опрятность во внешнем виде, словно он явился на собеседование: темные волосы тщательно зачесаны назад, рубашка под дешевой курткой застегнута на все пуговицы.

Йоханссон приглядывается.

– Настало время для некоторых важных инструкций, – говорит Брайс. – Мистер Райан Джексон, познакомьтесь с Джимми. Джимми любезно предложил нам свою помощь. Верно, Джимми?

Тот кивает – в его энтузиазме есть нечто жалкое – и лезет в карман за пачкой фотографий.

– Фотографии, – сообщает он.

– Нет, не надо фотографий, Джимми, не сейчас, – обращается к нему Брайс, затем доверительно смотрит на Йоханссона и громко произносит: – Задача Джимми помочь нам с небольшой демонстрацией.

Джимми по-прежнему улыбается. Он не понимает, что сейчас будет, но понимает Йоханссон.

Брайс делает шаг и бьет Джимми в живот, еще раз, затем жестоко выкручивает руки и заставляет упасть на землю в грязь лицом. Фотографии разлетаются в стороны. Джимми визжит, уткнувшись лицом в землю. Он дергает ногами, пытаясь высвободиться, но Брайс давит коленом ему в спину. Вокруг разбросаны фотографии: мужчина и женщина в рождественских бумажных колпачках поднимают бокалы на камеру, малыш бежит за собакой по лужайке...

– Видите, мистер Джексон, – продолжает Брайс спокойным тоном. – Нам надо знать, насколько вы преданный человек.

Слова обрушиваются на голову Йоханссона ледяным водопадом. Холодный пот струится по спине. Все цвета сливаются. Нельзя терять фокус.

– Говоришь, на все готов, так? – Брайс озабоченно смотрит на Йоханссона. – Паршиво ты выглядишь, Райан. Я ведь могу тебя так называть? Надеюсь, ты нормально к этому относишься.

Желудок сжимается.

Джимми скулит, и Брайс переводит взгляд на него, не отпуская его скрученные за спиной руки.

– Может, ты не понимаешь, что мы люди серьезные, – бормочет он. – Так мы продемонстрируем.

Он поднимает руки Джимми выше, угол огромен, Джимми скулит и повизгивает, как подстреленное животное.

– Теперь видишь, что мы говорим серьезно?

Горло сдавливают невыносимо. Глаза Йоханссона словно обжигает огнем. Он открывает рот и закрывает.

– Прости, не расслышал.

– Да, – произносит Йоханссон.

– Отлично. – Брайс отпускает Джимми и встает, отряхивая руки. – Теперь твоя очередь. Мистер Кийан хочет посмотреть, серьезный ли ты человек. Удиви его, произведи впечатление.

Слова с трудом достигают цели, долго пробираясь сквозь мешанину в голове. Брайс хочет, чтобы он...

– Ну? – торопит Брайс. Глаза становятся ярче. Он весело улыбается.

В трех метрах Кийан подается вперед, не вставая с кресла, острый взгляд врезается в лица.

– Полагаю, ты не будешь попусту тратить время, – почти ласково интересуется Брайс. Йоханссон не шевелится. – Видимо, ты ничего не понял. Нужна еще подсказка?

– Нет, – отвечает Йоханссон, но Брайс уже направляется к Джимми. Тот пытается вырваться из рук охранявшего его человека, но Брайс ловок, он сдавливает его плечи, заставляя опуститься на колени, и начинает душить, поглядывая на Йоханссона.

– Ладно.

– Что?

– Я сделаю.

– Уверен?

Йоханссон сглатывает подступившую желчь и кивает. Говорить нет сил.

– Очень хорошо. Отлично. – Брайс отходит назад, вытянув руку в приглашающем жесте: прошу. – Уступаю. Произведи впечатление на мистера Кийана. – Спыхватившись, он добавляет: – О да, о шуме не беспокойся. Сюда никто не придет.

Йоханссон смотрит на Кийана. Благодаря его красному шарфу воздух между ними окрашивается в кровавый цвет. *Господи, да соберись же*. На мгновение их глаза встречаются. Лицо Кийана не выражает ни одной эмоции.

Джимми начинает рыдать, бормотать что-то.

Йоханссон делает шаг к маленькому человеку. Каждое движение причиняет ему боль. В спине, в горле, в животе, плечах, конечностях. Свет перед глазами мелькает и гаснет. Он стоит, покачиваясь. За спиной кто-то тихо хихикает.

Сделай же. Просто сделай.

Сможет ли он все сделать быстро? Остались ли для этого силы?

Соберись. Ты знаешь, что делать.

Он оглядывает собравшихся. Маленький человек хнычет в грязи. Брайс стоит в стороне. Его дыхание замедляется, губы поджаты, в глазах надежда на захватывающее зрелище. Кийан выпрямился в кресле и смотрит: ждет, чем его захотят удивить. В центре сцены стоит, покачиваясь, Йоханссон, весь покрытый рвотными массами, он пытается сделать вдох, второй... Готовится к третьему.

Подняв одно колено, он кладет его на напряженное плечо Джимми. Он не давит, но Джимми принимается кричать. Йоханссон готов сделать последнее движение, прижать его, пока не почувствует, как кости хрустнут под подошвой ботинка.

Брайс наклоняется вперед, он весь сосредоточен на одной точке.

Давай.

Два действия в одно мгновение. Шаг назад и удар. Руки работают одновременно. Удар пальцами в глаза, кулаком в горло. Ногой по почкам. Брайс отлетает к ближайшей стене. Йоханссон подходит, сжимает его голову и ударяет о бетон. Левой рукой хватает бейсбольную битку и разворачивается.

Он окружен. Их пятеро: двое закрывают Кийана, трое идут на него. Кийан поднимает руку. Жест велит ждать. Йоханссон пытается просчитать, что написано на его лице. Невозможно понять.

У него не осталось сил. На него сейчас обрушится шквал ударов, и он не сможет им противостоять.

Кийан указывает на битку:

– Брось.

Гладкая поверхность скользит по ладони, и палка падает на землю.

– Вы меня заинтересовали, мистер Джексон. – Взгляд маленьких холодных глаз тверд, как мрамор, и остер, как кусок стекла. – Одним ударом вы способны разбить череп человека, как яичную скорлупу. Скажите, вы сделали это для меня?

Брайс вертит головой, лицо его в крови, он хлопает глазами и кашляет, стараясь подняться.

– Зачем вы это сделали, мистер Джексон? – спрашивает Кийан.

Он должен ответить. Что?

Брайс падает на колени, но поднимается, глядя на Йоханссона. Видно, как в нем клокочет ярость.

– Будьте откровенны со мной, мистер Джексон, – продолжает Кийан. – Раз уж вы еще можете говорить.

Брайс наконец делает шаг, глотая ртом воздух.

– Он сам велел мне вас удивить.

– О да. Ну, если это вас утешит... – Кийан улыбается. – Я был впечатлен.

Удар, и Йоханссон падает. Ботинок давит на живот, Йоханс сон кашляет, но желудок уже пуст. Еще удар, и он чувствует себя так, словно ему разом нанесли все удары за последние двадцать четыре часа. Брайс хватает его за волосы и тычет лицом в землю. Дыхание обжигает щеку.

– Мы начнем с твоих пальцев, – говорит он и добавляет, обращаясь к кому-то: – Клещи мне.

Господи.

Йоханссон лежит лицом вниз. Руки разведены в стороны. Он сжимает кулаки, люди Кийана сильнее его и заставляют разжать пальцы.

Ему предстоит вытерпеть чудовищную боль. Много боли. Необходимо спастись, но ни одна мысль о том, как выйти из этого положения, не приходит ему в голову.

Брайс снова приседает рядом, тянет за пальцы, выбирая один. Первый. Указательный палец на правой руке. Кожи касается холодный металл.

Неподалеку на земле разбросаны фотографии улыбающихся людей, среди них мужчина, похожий на Чарли Росса. Джимми смотрит широко распахнув глаза. Их взгляды встречаются, но ничего не происходит: ни контакта, ни понимания. Ничего.

– Итак, приступим, – говорит Брайс.

Одно движение, быстрое, как взрыв, вспышка света, и женский голос на краю поля зрения.

Голос звучит очень близко.

– Не вынуждай меня, Брайс, я сделаю, ты же знаешь.

Все замирают.

Он видит только фотографии и Джимми. И все еще ощущает холодный металл, сжавший палец, давящий сильнее, сильнее...

– Кийан, – произносит женщина, и в голосе слышится угроза.

Брайс давит на Йоханссона всем своим весом. Бегут секунды. Давление на палец слабеет. Йоханссону удаётся даже один раз вздохнуть.

Тело заливают боль.

И после этого ничего.

* * *

Пальцы. Они отрежут ему все пальцы.

Он сжимает кулаки и прижимает к груди, но его руки вновь разводят в стороны. Вновь холодное прикосновение металла.

Господи Иисусе. Господи.

Он медленно открывает глаза. Его ослепляет свет. Йоханс сон морщится, словно он его обжигает. Пытается вырваться, но его прижимают к земле. Слышится человеческий крик, но он не может разобрать слов.

Борись, борись, борись...

Мужской голос:

– ...на хрена какое-то седативное?

Над ним игла на фоне лица мальчика.

Проходят минуты. Или часы. Он не чувствует собственного тела.

Вокруг витают обрывки разговора.

– ...на улицу.

Женщина.

– И что?

– Он говорит, вы должны передать...

– Знаю.

Как долго он смотрит на эту стену и что на ней нацарапано? Они следят за ним?

Свет меркнет. Он качается на волнах.

Йоханссон просыпается от боли.

Он лежит на полу, на матрасе. На подстилке у двери сидит женщина. Изможденное лицо, темные круги под глазами похожи на синяки. Тонкие запястья, пальцы сжимают нож.

Надо отобрать его, но он не может двигаться.

Он засыпает.

За дверью этого дома на ферме надрывно кричит человек.

Глава 6

День 8: среда

КАРЛА

Ворота открываются в восемь утра, но я уже раньше сижу за рабочим столом. Прошло двадцать два часа с того времени, как Йоханссон попал в Программу, и четырнадцать, как закрылись на ночь ворота; я спала не больше четырех часов, и меня тошнит от усталости.

Все может закончиться в любой момент. Он может выйти. Уитман уже разговаривает с персоналом в администрации Программы, убеждая их в необходимости срочно найти Райана Джексона. Я жду. Часы на компьютере показывают 8:00, 9:00, 10:00. Я не отхожу от телефона, чтобы не пропустить звонок Уитмана с сообщением, что они вышли и Йоханссон в безопасности. Телефон молчит. Крейги убеждал меня выйти из игры и подумать о себе. Я отказалась. Будь это ловушка, они использовали бы настоящего заключенного. Крейги мне не верит. Даже по телефону ясно, что он пребывает в состоянии стресса. Он ушел, чтобы начать поиски Йоханссона в путаной сети службы безопасности, в комнатах для допросов и специальных секретных помещениях. Я знаю, там он его не найдет. Не найдет. Но я готова поклясться: Йоханссон еще в Программе.

Печатаю сообщение Финну:

«Внутреннее наблюдение в Программе. Нужен доступ. СРОЧНО».

Несмотря на то что Программа управляется частной компанией, некоторые заинтересованные государственные службы требуют постоянный доступ к камерам видеонаблюдения. Министерство юстиции и Управление службы исполнения наказаний имеют возможность следить круглосуточно, полиция и спецслужбы тоже временами требуют открыть доступ. Брешь может быть в любом месте, Финн должен ее найти.

Финн долго не отвечает, но в четыре часа дня от него приходит сообщение:

«Черт, это легче, чем добыть личные дела».

Финн передает мне доступ к системе видеонаблюдения в Программе.

Я не могу управлять и выбирать: смотрю только то, что смотрят они. Камера движется по периметру, уменьшая и увеличивая изображение по чужой прихоти. Пустое помещение, возможно, учебный класс, конвой движется по темной улице, в дверях магазина стоит мужчина.

Я внимательно вглядываюсь в лица, Йоханссона среди них нет.

Имеет ли смысл смотреть дальше? Может, прослушать разговоры с телефонов Программы? Или проверить списки умерших на предмет наличия белого мужчины ростом метр восемьдесят, с голубыми глазами? Проверить части тел, выносимые с мусором? С такими вещами тоже приходится сталкиваться. Я помню, что произошло с Чарли Россом. Даже для опознания вдове они не смогли предоставить достаточных размеров куски тела; он был расчленен. Пришлось делать анализ ДНК.

В пять часов звонит Уитман:

- Нашелся след. Джексон разговаривал в столовой с парнем, но ушел один.
- Сегодня?
- Вчера.

– А парень?

Рука ложится на «мышку», чтобы открыть список заключенных.

– Имя мне не сообщили.

– Заставьте их.

– Я не могу просто так.

– *Найдите способ.* – Я слишком резка с ним, но через час ворота опять закроют на ночь.

Опять.

Уитман молчит.

– Мне это не нравится, Лора, – наконец говорит он. – Вы сами сказали, что мы просто позаимствовали документы этого парня, Вашингтону не обязательно все знать. Отлично, тогда не будем поднимать панику. Я не сижу сложа руки, но и не имею права диктовать этим людям, как им работать. Я сказал, что они должны мне помочь, иначе я сам пойду туда и выбью все из этих ребят. Вам лучше поискать помощь в Вашингтоне, потому что она может вам понадобиться. Я могу поднять здесь шум, но с каждым разом о Джексоне узнают начальники все выше рангом. – Молчание; слышно, как он пожимает плечами на другом конце провода. – Выбор за вами, Лора.

Он делает долгую паузу и продолжает, когда понимает, что я не отвечу:

– Повторю попытку завтра, – и отсоединяется.

На экране передо мной Программа живет своей жизнью. Свет приглушен, патрули вернулись на базы, ворота закрыты.

Прошло тридцать два часа с того момента, как Йоханссон пересек территорию Программы.

В семь часов приезжает Крейги. Он сидит с чашкой чая напротив меня, на узком лице печать тревоги. Он не нашел ничего подтверждающего, что Саймон Йоханссон находится в руках властей.

– Он все еще в Программе, – говорю я, и на этот раз он не спорит.

– Его мог кто-то узнать?

– Росс мертв.

– Может, кто-то служил с ним в армии?

Среди заключенных я не обнаружила ни одного бывшего солдата, кто мог бы знать Саймона Йоханссона. Ни одного. И ни одного человека, знавшего настоящего Райана Джексона. Все чисто.

Крейги уходит, и я ужинаю в кабинете, не прерывая наблюдения. Патрули прекратили свою работу, но их место заняли другие люди: они передвигаются пешком по двое, по трое, словно прогуливаясь по улицам. Люди Кийана.

Никаких сообщений о раненых гражданских или трупах. Стараюсь себя этим успокоить.

Но ты же знаешь Йоханссона. Думала, он отправился в Таиланд? Чтобы ходить в обрешанных джинсах, курить травку, сидеть на пляже и ловить рыбу? И стареть?

Нет.

Хотя когда-нибудь они уедут. Все.

Закономерность: сначала кто-то звонит, дает наводку, потом через пару часов полиция перегораживает лентой переулок, и телекамеры стараются отчетливее снять пятна крови на тротуаре.

Вот что происходит с такими, как он.

Просто на этот раз обошлось без звонка. И уже, разумеется, без камер и журналистов. Возможно, он просто исчез.

Вечером Шарлотта Элтон заболевает гриппом и обзванивает друзей, меняя график; я же остаюсь в своем кабинете и опять разглядываю фотографию женщины. Я уже не считаю эту женщину одной из заключенных – перед глазами больше нет газетной полосы с пугающим заголовком. Но я не могу забыть ее улыбку и избавиться от чувства, что видела ее раньше.

Йоханссон говорил, что личность не имеет значения. Уверена, он ошибается.

Я сижу до поздней ночи и ищу в базах данных женщину с фотографии. Я пытаюсь ухватить что-то, но оно всегда ускользает, впрочем не исчезая совсем.

Глава 7

День 9: четверг – день 10: пятница

ЙОХАНССОН

Другой голос, в другой жизни.

– Райан Джексон.

Боль подсказывает, что он все еще жив: в голове что-то грохочет, живот болит так, будто все внутренности вытащили и хорошенько оттоптали ногами.

– Райан Джексон, – повторяет голос.

Имя кажется знакомым.

Он открывает глаза. Сверху на него смотрит человек с резкими чертами лица и залысинами.

– Значит, вы еще помните свое имя.

Йоханссон удивленно моргает.

– Счастливый, сволочь, – добавляет человек с сарказмом.

Мужчина помогает ему сесть. Боль в голове становится вдвое сильнее, превращается в нескончаемый рев, и что-то острое впивается в грудную клетку.

– Вот. – Мужчина подносит к его губам стакан. Йоханссон глотает воду, горло обжигает рвотное движение, и жидкость выливается обратно: ведро, воронка, трубка, широкий двор, старик Кийан в кресле для пикника, скулящий Джимми на земле, щипцы...

Пальцы. Йоханссон опускает глаза и разглядывает руки. Вокруг указательного пальца правой руки красный ободок. В вену левой руки вставлена игла капельницы, около матраса металлический штатив.

– Брайс, – с трудом произносит он.

– К черту Брайса, – говорит мужчина и вновь подносит стакан к его губам. Мужчине немного за сорок, суровый, жилистый. В тонких руках с рельефными мускулами и выпирающими венами чувствуется сила. На плече татуировки «Мама» и «Багдад».

Пять глотков, и Йоханссон, задыхаясь, отталкивает стакан.

– Джимми? – спрашивает он.

– Увезли в больницу. – Мужчина вкладывает стакан ему в руку. – Бери, ты ведь не ребенок. – Он встает и выходит, закрыв за собой дверь.

Шаги гулко разносятся по зданию и ведут к лестничной клетке.

В комнате светит тусклая лампочка. К раме единственного окна прибито тонкое одеяло, чтобы не дать яркому дневному свету пробиться в комнату, но он все же просачивается по краям. У стен несколько предметов старой мебели: стул, раскладной стол для пикника, на нем пластмассовая миска, комод – сосновый шпон, дешевая подделка под дерево. На одной стене множество отметин, вертикальные линии по пять и десять насечек. Некоторые ровные и аккуратные, другие нечеткие, кривые, словно их нацарапали тупым гвоздем. По полу разбросаны какие-то тряпки, одежда и постельное белье. Окно всего в двух метрах.

Йоханссон вырывает иглу капельницы, медленно встает, прислушиваясь к реакции тела на каждом этапе. Резкая боль пронзает его при вдохе. Должно быть, ребро сломано. Торс, руки, ноги покрыты синяками – следы от кулаков и ботинок. Он смотрит на внешнюю сторону

ладоней. Одна похожа на месиво – содранная до мяса кожа. Йоханссон делает несколько шагов. Тело нестерпимо болит.

Он отодвигает край одеяла с окна.

На улице светло. Третий этаж. На асфальте белые полосы разметки для стоянки машин. Впереди справа здание из красно-черного кирпича в форме буквы «Г». Слева, за рядом машин, у ворот в проволочном заборе толкуются люди. За забором дороги и трехэтажные здания для персонала.

Он на территории отдельного комплекса. Лагеря Кийана. Йоханссон машинально измеряет угол между зданиями, пытаясь обнаружить «слепые зоны», но это тюрьма в тюрьме. Он еще из нее не выбрался.

В углу комнаты Йоханссон находит окрашенное ведро, справляет нужду и опять ложится.

Через некоторое время другой человек – лысый, с блеклым, невыразительным лицом – приносит ему миску с едой. Человек представляется, его зовут Винни.

– Я скоро уезжаю, – доверительно добавляет он.

– Вечером?

Мужчина кивает и удаляется, довольный собой.

Глотать все еще больно, и Йоханссон отставляет миску. Накрывшись одеялом, он опять засыпает.

Через несколько часов – должно быть, уже вторая половина дня, судя по тусклому свету, – первый человек приносит ему одежду, но без обуви.

– Вот, – говорит он, – одевайся. – Помолчав, он добавляет: – Я Райли.

– Джексон.

– Знаю.

– Какой сегодня день?

– Четверг.

– Как Джимми, – внезапно интересуется Йоханссон. – Брайс сломал ему руку.

– Я знаю, что сделал Брайс.

– За ним должок. Фотографии.

Йоханссон одевается, стараясь не обращать внимания на боль. Одежда подходит по размеру, но она еще хранит запах другого человека. За окном, через полосу асфальта, захлопываются ворота. По двору идут четверо мужчин, нет, трое, они что-то несут. Громкие крики. Когда он успевает подойти к окну, они уже входят в здание. Опять крики, теперь голосов становится больше. Приказы? Йоханссон подходит к двери и открывает ее. Перед ним узкий коридор и лестница.

Эти люди идут за ним? Сколько у него еще осталось жизненных сил? Когда наступит предел?

Громкий разговор продолжается где-то внизу. Йоханссон начинает спускаться, морщась при каждом шаге. Голоса слышны уже четче.

На первом этаже он останавливается. Перед ним, у подножия лестницы, приоткрытая дверь. Шум доносится оттуда.

Он спускается и заглядывает в щель.

На полу – человек в крови. Раскинутые в стороны руки, обрывки одежды, раны – следы пыток. Невидимый ему Райли произносит:

– Какого черта он здесь делает? Ворота ведь открыты, так?

Ему никто не отвечает.

– Они должны были его забрать, – через несколько мгновений говорит Райли и замолкает.

Более серьезные мысли остаются невысказанными.

Он не единственный в этой комнате. Йоханссон перемещает взгляд в сторону и видит ее: женщину, сидевшую в его комнате с ножом. Она обрабатывает раны сосредоточенно и быстро. Ей задают вопрос, и она отвечает, не отрываясь. Невозможно разобрать, что она говорит.

Было время, когда она имела ухоженный вид. Доказательство тому фотография, переданная Филдингом. Без этой фотографии он никогда бы не догадался, что это она.

Прежде чем истекут три недели, женщина будет мертва.

Йоханссон спешит обратно вверх по лестнице. Комната. Ее комната. Ее одежда и постельные принадлежности на полу. Зеркало над умывальником. Он всматривается. Его лицо в гематомах и синяках – один глаз заплыл и до сих пор едва приоткрыт. И те же зарубки на стене. На этот раз ее.

Йоханссон приседает, игнорируя боль, и просматривает ее вещи. Под грязной курткой он находит резную шкатулку ручной работы с надписью «Кейт» на крышке.

Кейт. Ее зовут Кейт.

Кийану принадлежит здесь вся власть. Кийан управляет Программой. Брайс работает на него, Кийан избивал его руками Брайса. Но у женщины Кейт другая власть.

Во дворе – вчера, это было вчера? – Брайс или любой из его людей мог бы поднять на нее руку, заставить замолчать. Но она приставила лезвие к горлу Брайса и сказала: «Не вынуждай меня». Ее никто не тронул. Она произнесла имя Кийана, как угрозу, и он поддержал ее, против воли своих людей.

Голоса внизу затихли. Они унесли человека, или он умер. Йоханссон внимательно разглядывает метки на стене, столбики по пять штук. За спиной слышатся шаги Райли.

– Надень, – говорит он, протягивая ботинки.

Йоханссон подчиняется, встает, стараясь не корчиться от боли, не качаться и смотрит на Райли сверху вниз.

– Силен. Умные люди говорили, что тебя на носилках понесут.

Райли ведет его по лестнице и распахивает уже знакомую дверь внизу. В помещении пахнет хлоркой, оно похоже на импровизированный кабинет врача. Стул, каталка, ширма, раковина, шкафы, штатив капельницы. Полки забиты медикаментами, упаковки резиновых перчаток и мензурок. У стены современный дефибриллятор.

Райли перехватывает взгляд Йоханссона:

– Как тебе наш ночной *лазарет*? – Его голос выделяет слово «лазарет» интонационными кавычками. – О, днем все по-другому. Клиники, оборудованные машины скорой помощи, много чего. А ночью? В шесть ворота запирают, никто не войдет, не выйдет. Можно лежать на улице с вывороченными кишками, на тебя всем наплевать. Рискованно, верно? Вдруг засада, драка. Охрана смотрит в другую сторону, более для них безопасную. И вот, – он оглядывает комнату, – либо сюда, либо в морг. Мы учимся гражданской ответственности. – Райли переводит взгляд на Йоханссона. – Приятные воспоминания? – Возможно, он заметил смятение на его лице. – Нет?

Йоханссон качает головой.

– Ты боролся, – говорит Райли, и в голосе слышится раздражение и восхищение. – Боролся всеми способами.

В стороне небольшой стерилизатор гудит и подмигивает огоньками. На нем неровно черным маркером нацарапано: «ПОСЛЕОПЕРАЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ». На втором, поменьше, написано: «ИНСТРУМЕНТЫ».

– Это территория Кийана?

– Да, он настоящий альтруист. Не заметил? Или, может, это потому, что ему докладывают обо всех, кто сюда обращается. Если ты придешь сюда в четыре утра, истекая кровью, и тебе не помогут, ты сдохнешь. Контроль сердец и умов.

– Ты здесь работаешь?

– Как раб. Мы никто. – Райли морщится. – Отбросы.

– Джимми увезли в больницу, – говорит Йоханссон.

– Быстро соображаешь.

– А меня нет.

Райли расплывается в улыбке.

– О нет, не тебя, приятель. Брайс считает, он заслужил право развлечься с тобой.

– Но Кейт ему не позволила.

Услышав это имя, Райли замирает, но вскоре произносит привычным тоном:

– Итак, кто же победит? – Он поднимает руку и указывает на дверь. – Выходим.

В следующей комнате много разномастных стульев, грязный, покрытый линолеумом пол, и таксофон на стене. Еще одна дверь, и они выходят на улицу. Сумерки обычного зимнего дня, на здания опускается тень, но небо еще синее. Группа людей по-прежнему толпится у ворот, дым сигарет медленно поднимается, рассеиваясь в холодном воздухе. Одна из них – женщина, ее внезапный смех звонко разносится по округе.

Райли ведет его через двор. Йоханссон идет медленно, как старик. При всем желании он не сможет сейчас бежать.

Один раз он оглядывается на здание, откуда они вышли. Должно быть, предполагалось, что в нем будет очередной магазин. Большие зеркальные окна забиты картоном.

У дверей корпуса стоит охранник. Он отступает в сторону, пропуская их, и идет следом, вверх по лестнице до двери, где стоит еще один человек – огромный, с перебитым носом и лицом боксера. Он открывает перед ними дверь. Райли останавливается.

– Входи, – говорит он.

Йоханссон проходит по небольшому коридору в знакомую комнату. Юный святой и Мадонна на стене, китайский сервиз в буфете, кружки на столешнице в кухне. Кийан сидит в том же кресле, на этот раз он один, и телевизор выключен. Йоханссон заслужил все его внимание.

Кийан приветливо кивает, указывая на кресло, но его взгляд напряженно следит за выражением лица Йоханссона.

Тот опускается в кресло. Дверь закрывается.

Несколько минут они сидят молча, каждый выжидает. Над супницей мирно тикают часы. Со двора доносятся чьи-то крики.

Они не обращают на это внимания.

– Итак, мистер Джексон, – наконец говорит Кийан. – Что же нам с вами делать?

– Проблемы мне не нужны.

– Поздновато, однако. Вы оскорбили Брайса, публично. Разве это хорошо?

– Брайс сам просил вас поразить.

Кийан откидывается в кресле.

– Брайсу совсем не понравилась ваша выходка. – Кийан делает паузу, словно в ожидании ответа, но Йоханссон молчит. – Он будет рад, если я отдам вас ему. Маленький презент, игрушка, чтобы он вдоволь наигрался. Вы видели, на что мы способны... И это лишь начало. Брайс не убивает людей, как вы заметили, – ему не доставляет удовольствие вскоре увидеть перед собой труп. Но он может заставить вас пожелать смерти. Ну, куда вы пойдете отсюда? В свою комнату? Или к людям Брайса с ведрами? – Кийан шурится и смотрит на Йоханссона. – Посмотрите на себя, мистер Джексон. Посмотрите. Вы едва ходите. С трудом терпите боль, так ведь? Но на этот раз синяками вы не отделаетесь... Через секунду будете молить Брайса

прекратить, но он не прекратит, ни после пальцев, ни позже... Что ж, таков он, наш мистер Брайс. Любит все доводить до конца.

Кийан внимательно смотрит, словно пронзая взглядом: какие мысли возникают в этой голове.

– Где вы учились драться? – неожиданно спрашивает он. – В Америке?

– Везде понемногу.

– Но вас специально обучали.

– Сам учился, так получилось.

– Чего вы хотите? – спрашивает Кийан через несколько секунд молчания. – Говорите. Хотите, чтобы мистер Брайс забыл, что вы с ним сделали? Хотите тихой, спокойной жизни?

– Хочу работать на вас.

– Да? – Кийан тихо усмехается. – И что вы можете для меня сделать? Работать кулаками? Здесь не нужны, скажем так, агрессивные настроенные люди.

– В клинике нужны люди.

– Какое мне дело до клиники?

– Она часть вашего плана.

– Ты в курсе моего *плана*?

– Благодаря больнице вы держите под контролем все. Сердца и умы, так сказать.

– И ты можешь мне помочь? Ты что, врач?

– Нет, но я могу обрабатывать раны, накладывать шины, умею пользоваться дефибрилятором, могу сделать искусственное дыхание, знаю признаки инсульта, могу откачать жидкость из легких. Я мало сплю и ничего не прошу взамен.

– Только чтобы Брайс от тебя отстал.

– Да. Только это.

Кийан откидывается на спинку кресла и внимательно смотрит на Йоханссона.

– Оказанию первой помощи тоже научились случайно? – Затем он поворачивается к дежурившему у двери человеку. – Приведите ее.

Она появляется в комнате через пятнадцать минут. Бросает безразличный, почти отрешенный взгляд на Йоханссона и поворачивается к Кийану.

Тот поднимает вверх руки.

– Что я могу сказать. Он вернулся.

При дневном свете видно, что она потеряла весь лоск, который был так хорошо заметен на фотографии. Кожа приобрела сероватый оттенок, так выглядят люди, измотанные войной, он видел их не раз во время военных действий в городах, под обстрелом, бомбардировкой, живущих без сна и отдыха, передвигающихся лишь благодаря силе воли. Одежда была велика ей на несколько размеров, волосы подстрижены настолько неровно, что он решил, что она сделала это сама в спешке и при плохом освещении. Выражение лица такое, будто она слышала вопрос и готова ответить «нет».

– Мистер Джексон изъявил желание работать в клинике. Говорит, может быть полезен. – Кийан поворачивается к Йоханссону: – Расскажите ей.

Йоханссон начинает все сначала.

– Я могу обрабатывать раны, накладывать шины, умею пользоваться дефибриллятором, могу сделать искусственное дыхание...

– А Брайс? – перебивает его женщина.

– Я замолвлю перед ним словечко, – улыбается Кийан, – если этот парень сдаст вступительные экзамены. – И продолжает, уже глядя на Йоханссона: – Пока это все разговоры, а болтать самое простое. Вы можете сказать все что угодно и думаете, мы поверим на слово? – Он вновь переключает внимание на женщину: – Следующий раненый его. И никакой помощи.

Его закрывают в комнате, стеклянное окошко в двери разбито. У стены стоит стул, и Йоханссон иногда садится, потом вновь встает, пытаясь потянуться, чтобы немного унять боль, разглядывает синяки, мешающие двигаться. В горле саднит, и хочется пить, но воды в комнате нет. Временами через дыру в двери ему подают стакан воды, но в комнату никто не входит.

За окном темнеет. Уже пять часов. Пять. Где-то за стеной женщина по имени Кейт спорит с Кийаном, но она проиграла – это становится ясно, когда она открывает дверь.

– Идешь?

И уходит, прежде чем он успевает ответить.

Йоханссон, прихрамывая, идет следом, вдоль трехэтажных жилых зданий к рядам заколоченных магазинов. В нависшей темноте видны желтые пятна светящихся фонарей и белые прожектора над воротами комплекса; лучи света прорезают мрак, подсвечивая те этажи здания, где окна не забиты плотным картоном. Через центральную дверь Кейт проходит в комнату с множеством стульев. У таксофона стоит мужчина, он уже поднял руку, чтобы вставить карточку, но, взглянув на Кейт, поспешно убирает пластиковый прямоугольник в карман и уходит.

Женщина резко оборачивается и смотрит Йоханссону в лицо.

– Это шутка? – настойчиво спрашивает она. – Я угадала?

На его попытку выпрямиться тело отвечает болью.

– Не смей меня, – продолжает Кейт. – Ты ходишь-то с трудом. Что ты задумал? У тебя ведь какой-то план, так?

– Я сказал правду. Я все это умею.

– Надеюсь, потому что, если ты лжешь, Брайс с тобой быстро расправится.

– Я никого не пытаюсь обмануть, – говорит он ей в спину, потому что женщина уже выходит из комнаты и направляется к кабинету. – Подождите! – кричит он вслед. – Как часто к вам поступают раненые?

Женщина останавливается, положив ладонь на дверь, поворачивается и смотрит на него безразличным, усталым взглядом.

– Готова спорить на деньги, что сегодня вечером точно будет один.

В кабинете три человека: Райли, Винни и парень лет семнадцати. Он поворачивается к Йоханссону первым. У него мрачный, тяжелый взгляд человека с психическими отклонениями. Винни моет пол, Райли раскладывает у стойки инструменты на одноразовой бумажной салфетке. Он поднимает глаза и перехватывает взгляд Кейт.

– У нас новый сотрудник, – говорит она.

Райли косится на Йоханссона и вопросительно смотрит на Кейт:

– Он же должен быть...

– Проверим, справится ли он с раненым.

Взгляд Райли становится суровым.

– Когда?

– Откуда мне знать?

В этот момент распахивается дверь, и появляется человек Брайса, высокий, с плохой кожей и желтыми зубами, – тот самый, что держал трубку с воронкой, – в его зубах сигарета. Он усмехается и кивает Кейт – она смотрит на него с напряжением, – затем резко поворачивается к Йоханссону.

– Не обращай на меня внимания, – говорит он и прислоняется к стене с видом довольного собой человека.

«Скоро», – мелькает в голове у Йоханссона, и грудь сжимает от нарастающего напряжения.

– Все в порядке, – произносит Йоханссон, обращаясь ко всем присутствующим.

Желтозубый хихикает.

– Приходилось делать это раньше? – спрашивает Райли.

– Да. – Его учили этому во время подготовки. Потом приходилось делать это в бою, настоящему.

– Они живы? – ухмыляется Райли, словно прочитав его мысли. – Бог мой. Ладно. Ты знаешь, что тебе понадобится?

Он принимается доставать с полок инструменты и бинты, когда в дверном проеме появляется Брайс. Йоханссон его не видит, но все понимает по выражению лица Кейт. В руках у нее шприц, игла подрагивает в воздухе, но вошедший на женщину даже не смотрит.

Взгляд его находит Йоханссона, и губы растягиваются в улыбке.

– Мистер Джексон... Слышал, меня ждет еще одна демонстрация. На этот раз полюбуемся на твое мастерство.

Райли ставит на пол коробку, освобождая руки, на случай, если придется вмешаться. Винни отходит к стене, сжав палку швабры так, что белеют костяшки пальцев – он не любит конфликты, предпочитает, чтобы все шло спокойно и мирно.

Мальчик с тяжелым взглядом стоит в стороне с отсутствующим видом, склонив голову набок: происходящее его не интересует. В дверном проеме мелькает фигура – Кийан? Желтозубый отталкивается от стены и усмехается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.